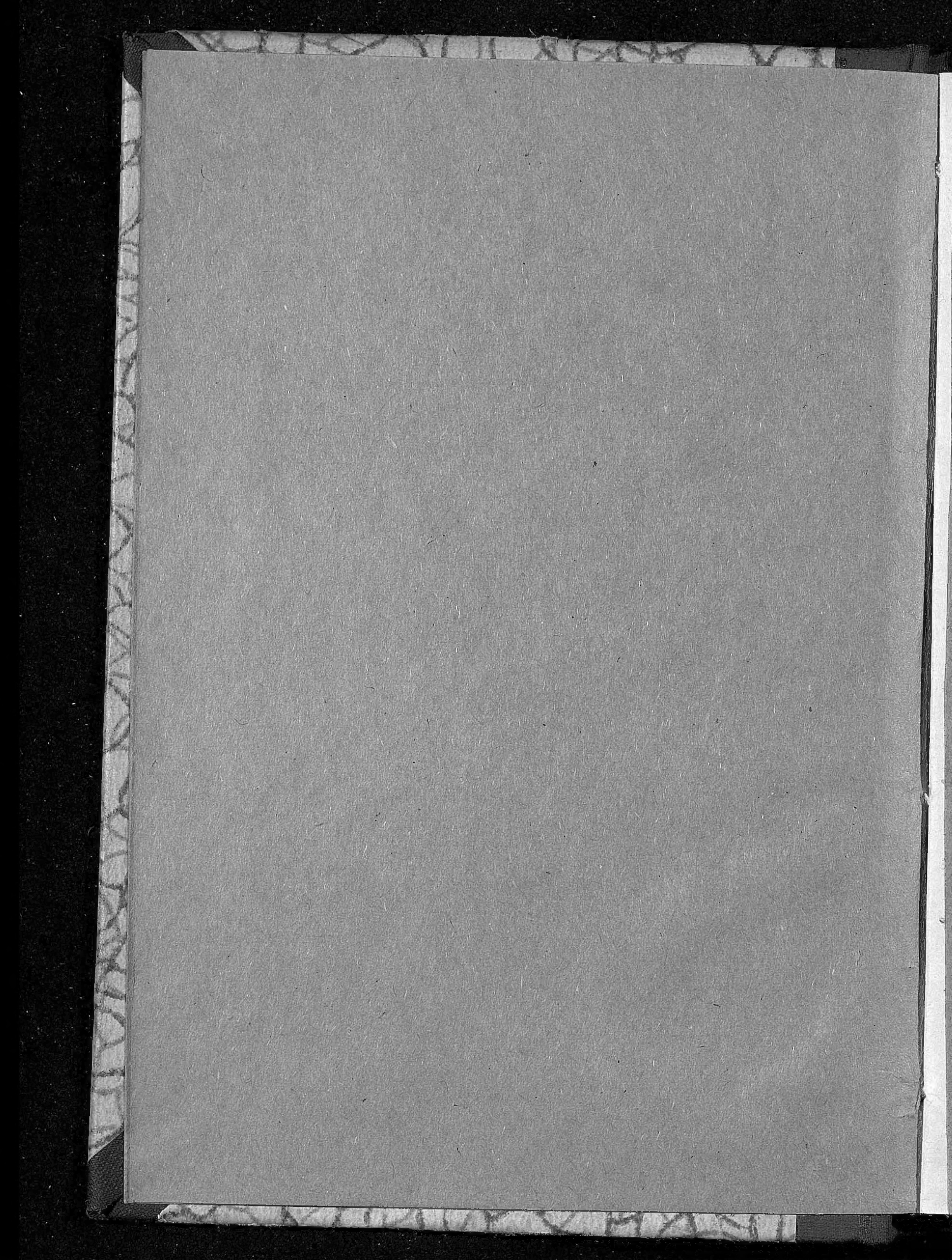
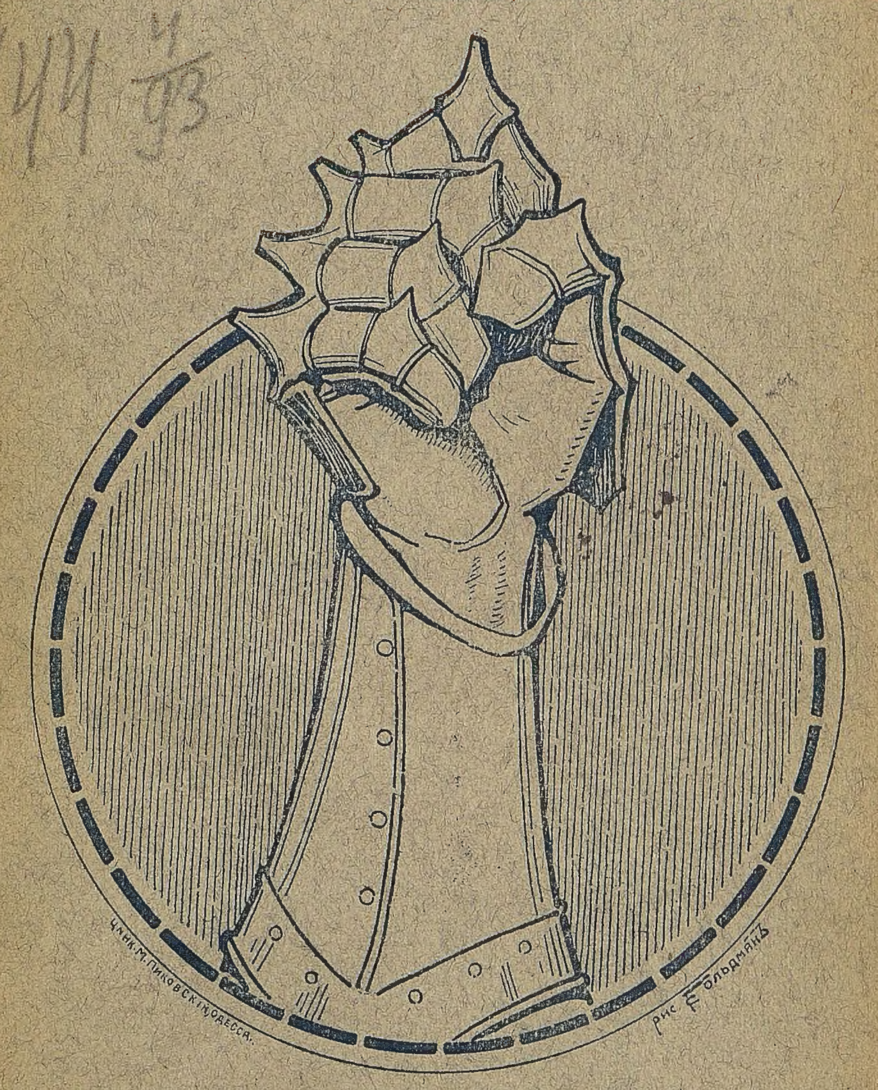
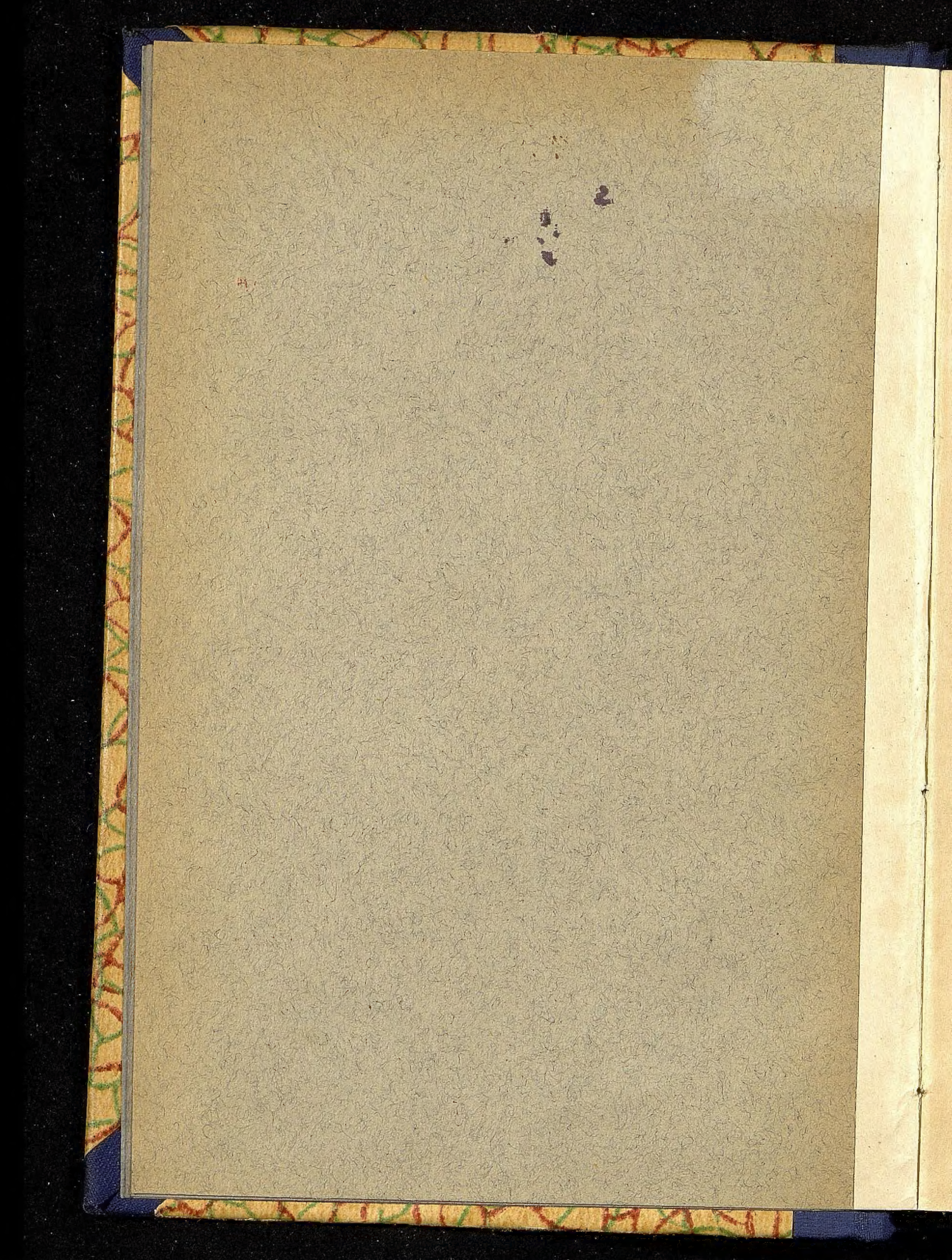

С. ГРИГОРЬЕВЪ.

ДВА МѢСЯЦА ВЪ ГЕРМАНСКОМЪ ПЛѢНУ.

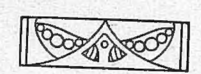
Изданіе Книгоиздательства „ПОРЯДОКЪ", С. К. Цессарскаго, въ Одессѣ.
1914.

С. ГРИГОРЬЕВЪ.

ДВА МѢСЯЦА
ВЪ ГЕРМАНСКОМЪ ПЛѢНУ.

(Впечатлѣнія, наблюденія, выводы).

ОДЕССА.
Изданіе Книгоиздательства „Порядокъ“, С. К. Цессарскаго.
1914.

Дозволено военной цензурой.

Вотъ ужъ недѣля, какъ я дома, на родинѣ, дологъ былъ путь изъ плѣна въ Россію, и казалось бы—пора было освоиться и примириться со всѣмъ пережитымъ въ плѣну у нѣмцевъ, а между тѣмъ и понынѣ все происшедшее представляется какимъ-то невѣроятнымъ, жуткимъ сномъ... И не только потому, что пережитое «тамъ» было по-истинѣ отвратительно, но и потому, что перемѣна въ германскомъ народѣ, какъ будто порожденная военной грозой, казалась до нелѣпости внезапной, непонятной. Всѣ обычныя взаимоотношенія, всѣ элементарнѣйшія формы человѣческаго общенія—все это на первыхъ порахъ какъ-то рухнуло, провалилось въ пропасть, изъ которой выглянуло какое-то свирѣпое чудовище и звѣрски зарычало...

Я попытаюсь «рисовать съ натуры», постараюсь набросать картину этихъ безсмысленныхъ и жестокихъ притѣсненій, которыя выпа-

ли на долю многихъ и многихъ русскихъ—въ большинствѣ, курортныхъ больныхъ или туристовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я попытаюсь, хотя бы въ общихъ чертахъ, отвѣтить на возникающій у каждаго вопросъ: гдѣ главная **причина** происшедшей какъ будто внезапно метаморфозы, **почему** эти безобразныя явленія оказались возможными въ «странѣ поэтовъ и мыслителей»?

ГЛАВА I.

Надвинувшіяся грозныя событія застигли меня, въ числѣ многихъ соотечественниковъ, въ Дрезденѣ. Ужъ за нѣсколько дней до объявленія войны общественная атмосфера здѣсь, какъ и повсюду въ Германіи, сильно сгустилась; внѣшній видъ города какъ-то измѣнился: на улицахъ то и дѣло устраивались патріотическія шествія, появилось огромное количество военныхъ, въ ресторанахъ и пивныхъ распѣвали національныя пѣсни, отношеніе къ иностранцамъ сразу ухудшилось. Почувствовалось приближеніе грозы. Произошли и первые эксцессы по отношенію къ иностранцамъ: въ нѣкоторыхъ кафе изгоняли русскихъ, если узнавали ихъ. Но многіе все-таки считали эти явленія преходящими, временными; никто не вѣрилъ или, вѣрнѣе, не хотѣлъ вѣрить, что вспыхнетъ война, ибо слишкомъ она казалась ужасной, чтобы быть возможной...

Но вотъ наступила суббота, 1 августа н. ст. Въ Германіи была объявлена мобилизація. Раз-

неслась вѣсть о германскомъ ультиматумѣ. Еще больше все заволновалось, заклокотало. Любопытный штрихъ: повсюду отказывались принимать бумажныя деньги—свои-же, германскія. Курсъ на иностранныя деньги сильно понизился, а вскорѣ обмѣнъ русскихъ денегъ и совсѣмъ прекратился.

Стало ясно, что нужно немедленно уѣхать. Мы бросились было еще въ русскую миссію: что, молъ, дѣлать? Но офиціальныхъ свѣдѣній изъ Россіи относительно войны еще не было. Между тѣмъ, на главномъ дрезденскомъ вокзалѣ намъ сообщили, что всѣ границы съ Россіей, кромѣ Калишской, закрыты. И вотъ большая группа русскихъ запаслась билетами на ближайшій ночной поѣздъ въ надеждѣ пробраться черезъ Калишъ домой, но увы!—было уже поздно...

Въ воскресенье на разсвѣтѣ, въ нѣсколькихъ минутахъ пути отъ Калиша, насъ «сняли» съ поѣзда. Это было на станціи «Лисса», гдѣ мы услышали первый грозный окрикъ: Алле русенъ хераусъ! (Всѣмъ русскимъ выйти вонъ). На перронѣ прусскій лейтенантъ (поручикъ) весьма наглаго вида заявилъ намъ:

— Дальше не поѣдете—назадъ!

И тутъ-же «любезно» добавилъ, что, насколько ему извѣстно, всѣ границы уже закрыты.

Поднялась невѣроятная суматоха: женщины стали плакать, съ нѣкоторыми изъ нихъ приключилась истерика, дѣти въ испугѣ прижимались къ роднымъ. Положеніе было, дѣйствительно, незавидное: денегъ у большинства, вообще, не было, ибо германскіе банки прекратили уплату по чекамъ и переводамъ, прежніе-же запасы остались лишь у немногихъ, а въ частности—русскихъ денегъ не обмѣнивали; затѣмъ: куда-же ѣхать, разъ всѣ границы закрыты, а въ Германіи оставаться казалось невозможнымъ? Нѣкоторые пробовали урезонить офицера и просили у него совѣта: что дѣлать? Но отвѣтъ былъ одинъ: назадъ!

Черезъ нѣкоторое время прибылъ, между тѣмъ, второй поѣздъ съ русскими, которыхъ ждала та же участь. Кто-то пустилъ слухъ (очевидно, неизбѣжнымъ спутникомъ всякой толпы являются «слухи»), что вскорѣ придетъ какой-то спеціальный поѣздъ съ дипломатами и заберетъ насъ съ собой. Слухъ этотъ, конечно, не оправдался, но тоска усилилась. Такъ прошло нѣсколько мучительныхъ часовъ безпросвѣтнаго ожиданія и тревоги. Лейтенантъ становился

все грубѣе и сталъ отпускать «словечки». Но вотъ появился какой-то чинъ, хотя и въ цивильномъ платьѣ (онъ оказался начальникомъ дороги), и сталъ совѣщаться съ лейтенантомъ. Въ концѣ концовъ, офицеръ заявилъ намъ, что въ билетной кассѣ будутъ принимать, въ видѣ исключенія, русскія деньги по расчету: марка за рубль *). Пришлось согласиться на эту «услугу», и многіе отправились ближайшимъ поѣздомъ въ Берлинъ—думали, авось въ Берлинѣ, какъ въ центрѣ Германіи, удастся какъ-нибудь оріентироваться. Но тѣ изъ насъ, которые совершенно не имѣли денегъ и не могли призанять у своихъ случайныхъ спутниковъ, такъ и остались въ Лиссѣ; что съ ними стало, не знаю.

---

*) По обычному курсу за рубль, какъ извѣстно, даютъ 2 марки 15 пфен.

ГЛАВА II.

Въ вагонахъ была невѣроятная тѣснота и давка, многимъ пришлось почти всю дорогу стоять на ногахъ; кругомъ недружелюбные взгляды пассажировъ-нѣмцевъ... На одной изъ промежуточныхъ станцій мы должны были пересѣсть, а для этого надо было перейти съ одного перрона на другой; часовые, охранявшіе вокзалъ, задержали группу русскихъ, потребовали предъявленія паспортовъ и заявили, что дальше не пустятъ. Но вскорѣ явился старшій унтеръ-офицеръ и сказалъ, что мы—«такъ и быть»—можемъ ѣхать дальше.

Вечеромъ того же дня (воскресенье) мы добрались до Берлина. На центральномъ вокзалѣ Фридрихштрассе мы встрѣтились съ громадной массой русскихъ бѣглецовъ изъ другихъ пунктовъ Германіи. Нѣкоторыхъ изъ нихъ успѣли поколотить на улицахъ Берлина; другихъ продержали день-другой въ полицейскихъ участкахъ, а затѣмъ объявили, чтобы они въ 24 ча-

са оставили предѣлы Германіи, иначе съ ними «будетъ поступлено по законамъ военнаго времени».

На вокзалѣ творилось нѣчто невообразимое. Въ этотъ день, какъ и въ послѣдующіе за нимъ, происходило усиленное передвиженіе войскъ; на вокзалъ явились родные и знакомые, провожавшіе солдатъ, и тутъ-же—огромное число русскихъ. Я, кажется, никогда не видѣлъ такого неимовѣрнаго скопленія людей, такого огромнаго числа чемодановъ, корзинъ, сундуковъ и ящиковъ, сваленныхъ въ одну грандіозную кучу.

Всѣ мы были поглощены однимъ вопросомъ: куда и какъ выбраться? Съ величайшимъ трудомъ, въ неразберихѣ противорѣчивыхъ указаній и «слуховъ», удалось установить, что на слѣдующее утро (3 авг. н. ст.) отойдетъ послѣдній пассажирскій поѣздъ въ Копенгагенъ и что, слѣдовательно, есть надежда добраться до Россіи черезъ Данію. Нелегко было, впрочемъ, переночевать въ Берлинѣ, такъ какъ въ большинствѣ гостиницъ русскихъ не принимали. Русскихъ денегъ не обмѣнивали...

Словомъ, въ понедѣльникъ утромъ мы, въ числѣ 500-600 человѣкъ, выѣхали изъ Берлина въ Копенгагенъ... какъ намъ казалось. Черезъ

3—4 часа пути на станціи «Нойштрелицъ» снова раздалось грозное «Алле русенъ ераусъ!» Тутъ дѣло пошло совсѣмъ по-варварски. Насъ куда-то потащили черезъ весь городъ Нойштрелицъ. Всю дорогу заставляли самихъ тащить багажъ—все равно, сколько бы его ни было при насъ. Кто не могъ нести тяжелые чемоданы и думалъ бросить ихъ на произволъ судьбы, того вооруженные солдаты били прикладами ружей и таскали за шиворотъ. Одна болѣзненная на видъ дѣвушка истерически закричала: «мама, я умираю!» и упала на землю, но ее потащили дальше. На тротуарахъ (насъ вели по мостовой) собрались толпы нѣмцевъ, которые грозили намъ кулаками и кричали: «васъ всѣхъ повѣсятъ, негодяи, теперь вамъ конецъ!» и т. д.

Наконецъ, насъ загнали въ какой-то огромный дворъ и заперли за нами желѣзныя ворота. Многіе были увѣрены, что насъ всѣхъ разстрѣляютъ. Нѣкоторыя женщины упали въ обморокъ, жены стали прощаться съ мужьями... Но вотъ раздалась команда:—раскрыть чемоданы!

Полицейскіе и солдаты, при помощи собакъ-ищеекъ, стали искать... взрывчатыхъ веществъ и оружія. Власти предполагали, что среди насъ много «шпіоновъ», при чемъ пуще всего боялись взрывчатыхъ веществъ. Дѣло въ

томъ, что накануне въ Германіи распространились слухи, что русскіе агенты гдѣ-то взорвали мостъ, и вслѣдъ за этимъ всѣ нѣмецкія газеты стали помѣщать предостереженія противъ русскихъ, говоря, что Германія полна русскими шпіонами, что каждый нѣмецъ обязанъ помогать властямъ въ излавливаніи этихъ агентовъ Россіи и т. д. Этимъ, отчасти, объяснялась ярость нѣмецкой толпы: видя большую массу русскихъ, окруженныхъ солдатами, публика рѣшила, что это все пойманные шпіоны...

Какъ бы то ни было, обыскъ былъ произведенъ и, когда убѣдились, что кромѣ носильнаго платья и такого оружія, какъ зонтики и палки, у насъ ничего не было, намъ было заявлено, что теперь мы можемъ ѣхать дальше—въ Копенгагенъ.

Я хочу тутъ-же отмѣтить одно обстоятельство, которое, при всей своей незначительности, въ этотъ тяжелый моментъ многихъ изъ насъ растрогало. Когда мы послѣ обыска вернулись на вокзалъ, какой-то нѣмецъ-рабочій помогъ мнѣ втащить чемоданъ въ вагонъ; онъ очень охотно сдѣлалъ это, а затѣмъ протянулъ мнѣ свою мозолистую руку и, крѣпко пожимая мою, сказалъ:

— Мы, вѣдь, лично не враги съ вами; скажите это и другимъ землякамъ вашимъ—мы не враги...

ГЛАВА III.

Поѣздъ тронулся. Мы по-немногу стали приходить въ себя послѣ пережитыхъ волненій и... пинковъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ многіе высказывали опасеніе, что едва ли удастся благополучно выбраться изъ предѣловъ Германіи. Увы, опасенія вполнѣ оправдались.

Часа черезъ два поѣздъ остановился въ Ростокѣ. Кто-то сказалъ:—Господа, Ростокъ—крѣпость; здѣсь, вѣроятно, будетъ опять какая-нибудь исторія.—И почти въ этотъ-же моментъ дверцы вагоновъ съ шумомъ стали раскрываться и снова раздалось: «Всѣмъ русскимъ выйти вонъ!»

Мы спросили, какъ бы цѣпляясь за послѣднюю надежду, взять ли съ собой багажъ. «Само собой понятно!», раздался грозный окрикъ (какъ они впослѣдствіи надоѣли, эти окрики...). Насъ загнали во внутреннее помѣщеніе вокзала, и лейтенантъ заоралъ:

— Молчать! Вы задержаны, какъ военноплѣнные. Мужчины старше 50 лѣтъ, женщины и

дѣти могутъ ѣхать дальше. Всѣ остальные остаются въ Ростокѣ. Тѣ женщины, которыя не желаютъ разставаться со своими родственниками, могутъ остаться здѣсь, при чемъ имъ дается на размышленіе 5 минутъ!..

Всѣ заволновались, женщины стали суетиться, не зная, на что рѣшиться, раздался плачъ. Большинство дамъ рѣшило, однако, остаться при своихъ мужьяхъ и родныхъ. Черезъ 5 минутъ опять крикъ лейтенанта: — Кончено! Отдайте паспорта, а также оружіе (!) и ножи. Васъ отведутъ въ городъ.

Спустя нѣсколько минутъ, вся наша масса (уѣхавшихъ набралась небольшая группа), окруженная изряднымъ числомъ вооруженныхъ солдатъ, двинулась въ городъ, предводительствуемая лейтенантомъ и нѣсколькими унтеръ-офицерами.

На улицахъ города та же картина, что и въ Нойштрелицѣ: возбужденная толпа, угрозы, восклицанія. Отстающихъ подталкивали. Мы не сомнѣвались, что насъ ведутъ въ общую тюрьму. Потому ли, что въ тюрьмѣ не хватило бы мѣста для всѣхъ насъ, или по другимъ соображеніямъ, но насъ отвели въ зданіе какого-то мужскаго училища (Кнабеншуле), которое и послужило для насъ тюрьмой.

Мы расположились въ двѣнадцати классныхъ комнатахъ, въ которыхъ еще стояло по нѣскольку школьныхъ скамей. Бывшіе среди насъ учителя пробовали острить: «посмотримъ, каково быть на положеніи школьниковъ»... Но, къ общемъ, было не до шутокъ, ибо каждаго занимала одна мысль: очевидно, насъ тутъ засаживаютъ надолго, быть можетъ, до конца войны. И Копенгагенъ надолго остался для насъ недосягаемой синей птицей...

Стало темно. Зажгли газовые рожки, и мы стали разглядывать другъ друга.

А на чемъ мы будемъ спать?—спросилъ кто-то. Но вскорѣ это выяснилось: намъ принесли соломы и объяснили, что мы должны распредѣлить ее между собой—это и будетъ постелью для насъ. Стали приспособляться: раздвинули скамейки, разложили на полу солому «поуютнѣй» и расположились болѣе тѣсными группами. Мужчины и женщины, больные и здоровые—всѣ были вмѣстѣ, какъ кто попалъ въ ту или иную камеру («классъ»). Я попалъ въ классъ, окна котораго выходили на улицу. Снаружи собралась огромная толпа нѣмцевъ, которая съ любопытствомъ разглядывала насъ. Подъ окнами зашагали часовые. Всѣ выходы закрыли.

Съ этого же вечера начались гаданья о томъ, «какъ долго мы здѣсь будемъ сидѣть». Сколько разъ этотъ вопросъ впослѣдствіи обсуждался, какіе только отвѣты не подыскивались!

Но вотъ прошло часа два; намъ принесли ужинъ: каждому дали по чашкѣ бурды, носившей названіе кофе, и по кусочку хлѣба, намазаннаго чѣмъ-то подозрительнымъ. Затѣмъ стали располагаться на ночлегъ. Подушки были лишь у немногихъ изъ насъ; большинство-же улеглось прямо на соломѣ, подложивъ подъ голову пальто или... сакъ-вояжъ. Въ виду того, что въ каждой камерѣ были и мужчины, и женщины, то раздѣваться, конечно, невозможно было. Такъ мы и спали на полу около 3-хъ недѣль, не раздѣваясь...

ГЛАВА IV.

Около 6 часовъ утра въ нашу камеру вошелъ унтеръ-офицеръ и крикнулъ:

— Всѣмъ встать!

Всѣ поднялись. «Гдѣ умыться?», возникъ вопросъ. Оказалось, что умываться можно во дворѣ, гдѣ имѣлся отливъ съ тремя водопроводными кранами. У каждаго крана образовалась длинная очередь; одалживали другъ у друга кусочки мыла, утирались кто полотенцемъ, кто носовымъ платкомъ, а кто и просто обсушивалъ лицо и руки на солнышкѣ, если не имѣлъ полотенца и не желалъ прибѣгать къ казеннымъ тряпкамъ, весьма подозрительнымъ на видъ... Часовъ въ 8 намъ дали чашку, съ позволенія сказать, кофе и кусочекъ хлѣба не то съ масломъ, не то съ саломъ, не то—Аллахъ его вѣдаетъ съ чѣмъ. Послѣ этого всѣ высыпали снова во дворъ—небольшой пыльный дворъ, окруженный высокими стѣнами. Вдоль стѣнъ расхаживали вооруженные часовые, а одинъ солдатъ съ ружьемъ стоялъ даже на крышѣ.

Заключенные стали знакомиться, присматриваться другъ къ другу. Какъ и

слѣдовало ожидать, среди насъ оказались люди самыхъ разнообразныхъ типовъ, званій, состояній, вѣроисповѣданій — люди съ разныхъ концовъ Руси: изъ Петрограда, Москвы, Варшавы, Одессы, Кіева, Харбина, Томска, Херсона, Вильны, Бѣлостока, Тифлиса, Витебска, Либавы, Николаева и т. д. Были среди насъ сановники, рабочіе, студенты, купцы, профессора, учителя, инженеры, врачи, адвокаты. Были русскіе, армяне, евреи, поляки, караимы, эсты, финны. Были старики (не желавшіе разстаться со своими дѣтьми), молодые, дѣти— среди «плѣнниковъ» былъ и грудной ребенокъ, и дѣвочка съ парализованной ногой: эту дѣвочку отецъ переносилъ съ мѣста на мѣсто на рукахъ.

Около часу дня намъ дали «обѣдъ»: по тарелкѣ супа—безъ мяса и безъ хлѣба, но съ нѣкоторымъ количествомъ липкой грязи, покрывавшей тарелки и ложки. Чтобы покончить съ описаніемъ казеннаго продовольствія, скажу еще, что на ужинъ мы получили опять по чашкѣ кофейной, по цвѣту, жидкости безъ сахару и по куску хлѣба, намазаннаго тѣмъ же составомъ, что утромъ.

По поводу нашего кофе какой-то острякъ составилъ даже четверостишіе—пародію:

Русскій, русскій, гдѣ ты былъ?
Я въ Ростокѣ кофе пилъ.

Выпилъ чашку—выпилъ двѣ,
Заболѣло въ животѣ!..

— Такъ насъ кормили во все время пребыванія въ «училищѣ», т. е. около трехъ недѣль (о дальнѣйшемъ я скажу ниже). Совершенно очевидно, что такой пищей нельзя было удовлетвориться не только качественно, но и количественно. Необходимо было прикупать пищу, но дѣло было не такъ просто: прежде всего, у многихъ совершенно не было денегъ. Иные, возвращаясь въ Россію послѣ пребыванія на курортахъ, имѣли билетъ до мѣста назначенія и лишь нѣсколько марокъ (или рублей) на мелкіе расходы; когда же пришлось возвращаться съ границы въ Берлинъ, а тамъ опять запасаться билетами до Копенгагена, то остатки денегъ оказались совершенно истраченными. У другихъ имѣлись русскія деньги, но въ первое время послѣ объявленія войны ихъ нигдѣ не обмѣнивали. «Счастливцевъ» же, у которыхъ имѣлись нѣмецкія деньги, среди насъ было очень мало. Къ тому же и покупать-то невозможно было въ первые дни ареста, такъ какъ посылать некого было, а изъ насъ никого не выпускали изъ предѣловъ училища. Такимъ образомъ, мы въ первые дни жили буквально впроголодь. Тутъ я долженъ отмѣтить слѣдующій штрихъ:

недѣли черезъ три съ насъ стали требовать уплаты за «пансіонъ», по расчету 3 марки *) въ день за прожитое время. Подробнѣе о способахъ требованія денегъ я скажу ниже.—Безпристрастія ради я долженъ упомянуть слѣдующую деталь. Желающимъ разрѣшалось заказывать пищу у ресторатора, который доставлялъ намъ, по заказу властей, вышеописанное продовольствіе, но сей мужъ назначалъ такія непомѣрныя цѣны, что даже и тѣмъ немногимъ лицамъ, у которыхъ имѣлись нѣмецкія деньги, невозможно было пользоваться его услугами.

Черезъ нѣсколько дней публика наша нѣсколько сорганизовалась: каждая камера выбрала своего «старосту», въ обязанности котораго входило—слѣдить за порядкомъ въ своей камерѣ и обращаться, въ случаѣ надобности, къ властямъ съ тѣми или иными ходатайствами или вопросами. Послѣднее было необходимо и по слѣдующей причинѣ: каждый изъ насъ то и дѣло обращался къ тому или иному изъ «чиновъ» съ вопросами—главнымъ образомъ, о томъ, какъ долго насъ будутъ держать въ Ростокѣ. Такъ какъ мѣстныя власти и сами ничего не знали по сему предмету, а вопрошающихъ было множество, то эти вопросы стали приво-

*) Около 1 р. 40 коп.

дить нашихъ «начальниковъ» въ ярость, что ухудшало наше и безъ того незавидное положеніе. Необходимо было, слѣдовательно, урегулировать «право запросовъ и обращеній», и это было сдѣлано черезъ посредство старостъ. Черезъ старостъ начальство и разрѣшило намъ нанять на свои средства трехъ женщинъ (по числу этажей школьнаго зданія), которыхъ мы могли посылать въ городъ за покупками. Около этого времени обнаружился среди насъ какой-то мѣняла, который обмѣнивалъ русскія деньги на нѣмецкія, хотя и по весьма низкому курсу; но это все-таки было благомъ для тѣхъ, у кого имѣлось хоть немного русскихъ денегъ. Съ этой поры мы стали дополнять казенный паекъ, прикупая, главнымъ образомъ, хлѣбъ: можно было, по крайней мѣрѣ, заглушить голодъ... Около того же времени бывшіе среди насъ врачи обратили вниманіе на то, что солома, на которой мы ѣли и спали и по которой также ходили, естественно, загрязнилась и что это можетъ повести къ распространенію заразныхъ болѣзней—тѣмъ болѣе, что среди насъ, вѣдь, были и тяжело больные. Стали собирать складчину для пріобрѣтенія матрацовъ или, по крайней мѣрѣ, мѣшковъ для соломы. Эта затѣя была, впрочемъ, осуществлена лишь къ концу пребыванія въ «училищѣ».

ГЛАВА V.

Черезъ два-три дня послѣ нашего водворенія въ Кнабеншуле къ намъ явился комендантъ города. Когда, согласно приказу, всѣ собрались и выстроились во дворѣ, онъ громовымъ голосомъ заоралъ: «Нѣкоторые изъ васъ позволили себѣ курить въ корридорахъ зданія, гдѣ лежитъ солома. Въ виду этого я совершенно запрещаю вамъ всѣмъ курить—какъ внутри зданія, такъ и во дворѣ (гдѣ соломы совершенно не было). Если кто будетъ курить и отъ этого возникнетъ пожаръ, я прикажу стрѣлять по всѣмъ! Да, я прикажу стрѣлять въ васъ всѣхъ—поняли!?» Увы, всѣ «поняли», ибо свирѣпый тонъ и вся манера, съ которой это было сказано, не оставляли мѣста иллюзіямъ. Вообще, стрѣльбой угрожали намъ неоднократно, такъ что впечатлѣніе отъ этихъ постоянныхъ угрозъ становилось все блѣднѣе.

По какимъ поводамъ раздавались эти угрозы, показываетъ слѣдующій случай. Недѣли черезъ двѣ послѣ нашего задержа-

нія намъ удалось, наконецъ, добиться разрѣшенія сходить въ баню. Желающіе купаться предварительно записались, затѣмъ къ опредѣленному часу собрались во дворѣ и выстроились по четыре въ рядъ. Передъ самымъ отходомъ дежурный унтеръ-офицеръ прочелъ «инструкцію»: разговаривать въ пути не разрѣшается; если кто-либо выйдетъ изъ ряда и уклонится въ сторону, будутъ стрѣлять по всѣмъ... Между прочимъ, одинъ изъ нашей компаніи, кіевлянинъ К., услышавъ послѣднія слова «инструкціи», вздумалъ было отказаться отъ предстоявшаго при такихъ условіяхъ удовольствія и бросился въ сторону, чтобы остаться «дома», но ближайшіе сосѣди схватили его за фалды и не пустили. Дѣло въ томъ, что списокъ уже былъ составленъ и, приведя насъ обратно, унтеръ снова провѣрилъ бы его; тогда оказалось бы (если-бы К. не пошелъ съ нами), что одного не хватаетъ согласно первоначальному списку, а изъ сего могли бы произтечь весьма непріятныя для всѣхъ насъ послѣдствія.

Чтобы показать, до чего порой доходила злостная мелочность въ обращеніи съ нами, стóитъ, пожалуй, подробнѣе описать это хожденіе въ баню. По командѣ, человѣкъ 8-10 солдатъ зарядили ружья боевыми патронами и,

предводимые старшимъ унтеръ-офицеромъ, мы двинулись въ путь. Разумѣется, по всѣмъ улицамъ, которыми мы шли, толпы зѣвакъ съ любопытствомъ разсматривали столь побѣдоносно захваченныхъ плѣнныхъ... Когда подошли уже къ купальнямъ, старшій унтеръ разъяснилъ, что мы примемъ не ванну, а душъ, и при томъ не теплый, а холодный. Многіе изъ насъ отъ такого «купанья» стали отказываться. Но это «распоряженіе» показалось ужъ черезчуръ глупымъ второму унтеру—интеллигентному на видъ солдату. Онъ подошелъ къ «старшому» и сталъ его урезонивать—почему же, молъ, не разрѣшить людямъ принять хотя бы теплый душъ. Послѣ долгихъ колебаній тотъ рѣшилъ, наконецъ, снестись по телефону съ комендантурой; въ результатѣ переговоровъ намъ было, наконецъ, дозволено воспользоваться теплымъ душемъ. Но изъ-за переговоровъ прошло время, а мы къ опредѣленному часу должны были вернуться въ Кнабеншуле, и многіе не имѣли возможности выкупаться; пришлось, такимъ образомъ, напрасно прогуляться.

Какъ нѣмецкое начальство позволяло себѣ третировать насъ—людей, пріѣхавшихъ въ «фатерландъ» отнюдь не для завоевательныхъ цѣлей, а на правахъ курортныхъ больныхъ или туристовъ — показываетъ слѣдующее обстоя-

тельство. Въ 10 час. ночи, когда намъ «полагалось» спать, въ камеру входилъ служитель и уменьшалъ огонь въ лампѣ, при чемъ никто изъ насъ не имѣлъ права самовольно учинять сей актъ. Въ одинъ изъ первыхъ вечеровъ, когда мы еще не знали всѣхъ правилъ, «обрядъ уменьшенія огня» совершилъ въ своей камерѣ староста, архитекторъ Д. Появился дежурный унтеръ и запросилъ, кто сіе сдѣлалъ. Д. объяснилъ, въ чемъ дѣло. Но унтеру не понравилась рѣчь Д. На слѣдующій день въ Кнабеншуле приходитъ какой-то лейтенантъ съ бумагой и велитъ всѣмъ немедленно собраться и выстроиться во дворѣ. Иные изъ насъ въ простотѣ сердечной подумали, что это «бумага» о нашемъ освобожденіи, но оказалось слѣдующее. Лейтенантъ прочиталъ приказъ коменданта города, приблизительно такого содержанія: «Вчера, такого-то числа, русскій подданный, архитекторъ Д., позволилъ себѣ говорить съ дежурнымъ унтеръ-офицеромъ въ неподобающихъ (!) выраженіяхъ. За это упомянутый Д. наказывается тремя днями ареста въ крѣпости». Два вооруженныхъ солдата тотчасъ же отвели Д. въ крѣпость, гдѣ онъ спалъ на голой скамьѣ и получалъ, въ видѣ продовольствія, черный хлѣбъ и воду. Пріѣхалъ ли Д. въ Германію спеціально лѣчить желудокъ, мнѣ неизвѣстно.

ГЛАВА VI.

Въ теченіе первой недѣли пребыванія въ Ростокѣ у насъ все-таки была надежда, что скоро отпустятъ насъ. Мы разсуждали такъ: въ первые дни послѣ объявленія войны германскія власти заняты исключительно мобилизаціей, распредѣленіемъ войскъ, и о насъ просто забыли, но пройдетъ недѣлька (въ газетахъ писали, что къ такому-то числу размѣщеніе войскъ будетъ закончено), про насъ вспомнятъ и разрѣшатъ уѣхать. Но вотъ протекла недѣля, другая, пошла уже третья, а просвѣта не видно. Настроеніе становилось все болѣе и болѣе угнетеннымъ. «Неужели», спрашивали мы себя, «мы будемъ сидѣть здѣсь до конца войны? Но, вѣдь, это можетъ продолжаться и годъ, и два»... Состояніе больныхъ становилось хуже, всѣ стали нервничать.

Тяжелы были и физическія лишенія, отвратительно было моральное состояніе: чувство неволи, зависимость отъ унтеровъ, грубые окрики, угрозы растрѣломъ и совершеннѣйшая не-

определенность въ отношеніи будущаго. Но помимо этихъ чисто личныхъ, субъективныхъ переживаній, угнетало еще сознаніе, что рушится въ душѣ вѣра во многое свѣтлое, хорошее, съ чѣмъ сжился давно, что казалось основой человѣческихъ взаимоотношеній и залогомъ лучшаго будущаго...

Вотъ вспоминаю одинъ грустный, дождливый вечеръ. Мы рано разбрелись по камерамъ и усѣлись на соломѣ. Подъ окнами раздавались мѣрные шаги часового; въ камерѣ было совершенно тихо.

— Э, становится ужъ очень противно, проговорилъ кто-то со вздохомъ.

— Да, батенька, вдвойнѣ противно,—замѣтилъ мой сосѣдъ, учитель изъ города О. И за себя противно и за людей вообще. Съ трудомъ усваиваешь мысль, что все это дѣйствительность, а не сонъ. Мутная, жуткая дѣйствительность. Точно упалъ съ небесной лазури въ глубокое, топкое болото. Какъ все это переварить? Долженъ вамъ сказать—обратился онъ ко мнѣ—что много лѣтъ тому назадъ я учился въ Германіи и прожилъ здѣсь три-четыре года. Мнѣ казалось, что я знаю нѣмцевъ: вѣдь я имѣлъ среди нихъ друзей, знакомыхъ, интересовался нѣмецкой жизнью, многое высоко цѣнилъ въ ней, хотя видѣлъ и ея отрицательныя стороны, свыкся

съ нѣметчиной. Да вотъ вамъ такой случай. Былъ я, между прочимъ, въ ту пору въ очень дружескихъ, хорошихъ отношеніяхъ съ одной нѣмкой изъ Берлина. Когда я покинулъ Германію, мы нѣкоторое время переписывались, а затѣмъ, какъ это, къ сожалѣнію, бываетъ въ жизни, мы потеряли другъ друга изъ виду. Прошло лѣтъ десять. Будучи теперь опять въ Берлинѣ, я—вообразите—встрѣтился съ ней. Сколько глубокаго, неподдѣльнаго удовольствія доставила намъ обоимъ—теперь «врагамъ»—эта встрѣча—черезъ десять лѣтъ! Но это между прочимъ; я хочу вотъ на что указать вамъ. Благодаря особенно этой встрѣчѣ, вся моя прошлая студенческая жизнь въ Германіи воскресла въ душѣ и памяти. Изъ сѣраго тумана времени потянулись ко мнѣ живые образы, яркія картины, свѣтлые сны минувшаго. Казалось, точно недавно я жилъ вотъ на этой улицѣ, въ томъ высокомъ домѣ, и въ моей скромной квартиркѣ велись горячіе споры о Кантѣ и Шопенгауэрѣ, о Гетѣ и Шиллерѣ, о Марксѣ, о Гейне... Вонъ въ томъ театрѣ я наслаждался музыкой Вагнера, а вотъ въ этомъ мы цѣлой компаніей дружно апплодировали нѣмецкимъ артистамъ, игравшимъ новую пьесу Гауптмана; тамъ, на окраинной улицѣ, мы заслушивались вдохновенной рѣчью демократическаго оратора, говорившаго о буду-

щемъ братствѣ народовъ и путяхъ къ нему. И казалось моментами, что всѣ эти звуки, краски, пѣсни, рѣчи еще трепещутъ и отзываются въ душѣ, и опять такъ свѣтло, привольно, молодо... И всѣ эти переживанія—частица моей жизни—вѣдь они были связаны съ нѣмцами; среди нихъ я жилъ, какъ равный, какъ свободный, какъ гость. И вдругъ, въ какіе-нибудь нѣсколько дней, все это опрокинулось къ чорту, все осталось гдѣ-то тамъ, «на томъ берегу», за какой-то роковой чертой, а по сю сторону черты—грязная солома, грубые окрики, кругомъ враги, озлобленныя лица—угрозы разстрѣломъ... Чортъ возьми, нелегко это переварить!

Въ камерѣ вновь наступила тишина—всѣ молчали. Но вотъ появился унтеръ и крикнулъ: «Пора спать!..»

ГЛАВА VII.

Нужно замѣтить, что дней черезъ 10—12 послѣ нашего задержанія нѣкоторыхъ стали выпускать въ городъ—на жительство по частнымъ квартирамъ. Но при этомъ ставились два условія: выпускали только тѣхъ, которые могли уплатить за прожитое время, по расчету 3 марки въ день, а затѣмъ «переселенцы» эти имѣли право выходить изъ своихъ квартиръ $1^1/_2$ часа въ день, отъ 10 до $11^1/_2$. Первое условіе—уплата за «пансіонъ»—лишило огромное большинство узниковъ возможности выйти на «свободу», такъ какъ 30—40 марокъ были въ то время громадной суммой—даже для тѣхъ, которые въ Россіи распоряжались сотнями тысячъ. Къ тому же, иныхъ пугала перспектива сидѣть цѣлые дни въ одиночномъ заключеніи. Въ зданіи училища все-таки всѣ были вмѣстѣ, а на міру и смерть красна... Во всякомъ случаѣ, разрѣшеніе селиться въ городѣ черезъ нѣсколько дней было отмѣнено, и число успѣвшихъ выйти на волю счастливцевъ было сравнительно невелико. Дамамъ нашимъ, оставшимся въ заключеніи, стали выдавать въ опредѣленные ча-

сы пропуски для выхода въ городъ за покупками. Въ остальномъ же нашъ режимъ былъ здѣсь безъ перемѣнъ.

Приходилось, прежде всего, позаботиться о чистомъ бѣльѣ. Публика наша устроила себѣ въ углу двора нѣчто вродѣ примитивной прачечной. Забавно было наблюдать, какъ непривычныя руки брались за это неблагодарное дѣло... Любопытную картинку представлялъ, наприм., мой сосѣдъ по «прачечной», весьма высокопоставленный и богатый петроградецъ, который, засучивъ рукава, старательно и въ то же время съ недоумѣвающимъ видомъ вертѣлъ въ рукахъ свои намыленные носки, при чемъ мыльные пузыри то и дѣло попадали почему-то на его роскошную, холенную бороду... Курьезно было наблюдать какую-нибудь знатную барыню терпѣливо ожидавшей очереди для полученія чашки сквернаго кофе. Или вотъ, наприм., точно сейчасъ передо мной тайный совѣтникъ З., когда онъ, поднявшись въ 6 часовъ утра со своего ложа, выходитъ во дворъ и по дорогѣ очищаетъ свою длинную бороду отъ приставшихъ клочковъ соломы...

Любопытнымъ явленіемъ были среди насъ постоянные «слухи». Во все время нашего заключенія неизмѣнно циркулировали всякаго рода слухи, положительно отравлявшіе существо-

ваніе. «Знаете», заявляетъ одинъ, «говорятъ, что завтра насъ переводятъ не то въ каторжную тюрьму, не то въ смирительный домъ». «Есть надежда», слышите вы въ другой группѣ, «что на дняхъ насъ всѣхъ отпустятъ въ Россію». «Идутъ слухи», заявляетъ одинъ чахоточнаго вида молодой человѣкъ, «что нѣмцы, въ отместку за свое пораженіе въ восточной Пруссіи, насъ всѣхъ перестрѣляютъ, какъ куропатокъ». И все въ такомъ родѣ съ ранняго утра и до самаго вечера. Бывало даже и такъ, что ночью, когда всѣ улеглись и собираются заснуть, гдѣ-то раздается въ камерѣ: «А знаете, говорятъ, что...» Но тутъ, бывало, «оратора» оборветъ сердитый голосъ: да бросьте, молъ, батюшка, дайте хоть передохнуть...

Неудивительно, если среди огромной массы случайно столкнувшихся людей были и очень странные субъекты. Были, наприм., въ нашей группѣ общепризнанные «спеціалисты» по задаванію вопросовъ. Таковъ нѣкто П—съ, маленькій человѣчекъ съ заросшимъ, смѣшнымъ лицомъ, почти никогда не снимавшій пальто, которое и составляло весь его уцѣлѣвшій въ дорогѣ «багажъ».

Я обратилъ на него вниманіе еще въ Нойштрелицѣ, когда насъ вели въ казармы для обыска. Въ одномъ изъ объемистыхъ карма-

новъ его пальто виднѣлась банка съ вареньемъ, безъ крышки. Во время сутолоки кто-то прижался къ нему, банка треснула, и варенье потекло по пальто, нисколько не смутивъ, впрочемъ, его обладателя...

Подойдетъ бывало П. къ кому-нибудь и съ болѣзненно-сосредоточеннымъ видомъ говоритъ:

Я хочу потолковать съ вами. Какъ вы думаете: могутъ насъ, вопреки международному праву, разстрѣлять?

— Право не знаю, голубчикъ; откуда-же мнѣ знать?..

— Ну, это вѣдь не отвѣтъ; вы подумайте и скажите.

Увы, это было не столько смѣшно, сколько грустно. Многіе опасались, что если при такихъ условіяхъ придется еще долго оставаться въ плѣну, то люди съ надорванной нервной системой или черезчуръ впечатлительные могутъ съ ума сойти.

Въ одно пасмурное утро, около 6 часовъ, явился къ намъ нѣкій лейтенантъ съ испитымъ лицомъ и крайне нахальными замашками. Онъ велѣлъ всѣмъ собраться во дворъ и «выстроиться» (сколько разъ насъ собирали и «выстраивали»!) и заявилъ, что сего числа, въ часъ дня мы перейдемъ въ другое помѣщеніе, гдѣ мы

ужъ будемъ спать не на полу, а на нарахъ, и гдѣ имѣется отдѣльная комната для дамъ и для тяжело-больныхъ. И въ тотъ же день мы переселились. Мы должны были предварительно перейти въ противолежащій дворъ пожарнаго обоза и тамъ выстроиться. Господинъ лейтенантъ тутъ же сталъ проявлять свои варварскія наклонности. Одному молодому человѣку, который сталъ на полъ-шага дальше, чѣмъ ему слѣдовало согласно командѣ, лейтенантъ крикнулъ: «я тебѣ въ морду дамъ, если двинешься» и замахнулся на него кулачищемъ.

Когда всѣ собрались, съ насъ потребовали по 50 пфенниговъ за перевозку каждаго чемодана—такса непомѣрная, но мы были, по крайней мѣрѣ, довольны, что насъ, подъ угрозой разстрѣла, не заставляютъ самихъ тащить чемоданы. Впрочемъ, о разстрѣлѣ мы все-таки услышали. Когда все было готово къ отправкѣ, офицеръ приказалъ солдатамъ зарядить ружья боевыми патронами и заявилъ, что если кто сдѣлаетъ попытку къ бѣгству, будутъ стрѣлять по всѣмъ. Но, какъ я уже говорилъ выше, мы стали привыкать къ этимъ любезностямъ... Не успѣли мы тронуться, какъ полилъ дождь. Лейтенантъ ввелъ солдатъ, для защиты отъ дождя, въ помѣщеніе пожарной команды, мы же всѣ остались подъ открытымъ небомъ и минутъ 10

—15 мокли подъ дождемъ. Наконецъ, и насъ впустили въ казарму. Но вскорѣ дождь прекратился, и мы двинулись въ путь. Идти пришлось довольно долго, по мокрой мостовой, при то и дѣло возобновлявшемся дождикѣ. Рядомъ со мной оказалась женщина съ груднымъ ребенкомъ на одной рукѣ и сакъ-вояжемъ въ другой (сакъ-вояжей мы не сдали для перевозки изъ экономическихъ соображеній).

Доплелись мы кое-какъ до нашего новаго обиталища. Это — помѣщеніе какого-то бывшаго загороднаго кафе-шантана, называвшагося «Бель-Вью», но нынѣ переименованнаго въ Вильгельмсбургъ. Большой залъ этого учрежденія и былъ предназначенъ для нашего «расквартированія». Въ немъ, дѣйствительно, были устроены трехъ-ярусныя нары въ два ряда, съ узкимъ проходомъ по срединѣ. Вдоль поперечной стѣны (на «сценѣ») также были нары въ четыре яруса. Все это въ перспективѣ имѣло видъ большого курятника. Нары эти, впрочемъ, достраивались уже въ нашемъ присутствіи и, такъ какъ на полу лежало еще много неиспользованныхъ досокъ, лейтенантъ велѣлъ намъ перетащить эти доски наверхъ, на балконъ. Насколько нары были прочны, я скажу ниже.— Дамъ устроили во второмъ этажѣ.

ГЛАВА VIII.

Въ первый же вечеръ нашего переѣзда лейтенантъ сталъ ближе «знакомиться» съ нами. Когда при переходѣ изъ одного корридора въ другой, ему встрѣтилась какая-то дама, которая «мѣшала» ему, онъ такъ толкнулъ ее, что она едва-едва не свалилась, и заплакала. Одного господина, который поставилъ свой чемоданъ не тамъ, гдѣ полагалось, сей доблестный воинъ схватилъ за шиворотъ и буквально выбросилъ его изъ комнаты, сопроводивъ этотъ благородный жестъ подобающимъ комментаріемъ. Часовъ въ 9 вечера намъ обѣщали дать поѣсть и, когда служащіе ресторана (при этомъ помѣщеніи имѣлся ресторанъ) хотѣли разставить стулья и столы, лейтенантъ крикнулъ: «бросьте, они сами должны все это дѣлать и убирать!».

Около 10 часовъ всѣмъ велѣно было идти спать. Мы улеглись. Дежурный унтеръ-офицеръ крикнулъ: «теперь чтобъ никто не попадался мнѣ на глаза!», а затѣмъ, черезъ нѣсколько минутъ, онъ поднесъ къ губамъ свистокъ—на ма-

неръ тѣхъ, какими у насъ пользуются городовые—и неистово засвисталъ: это былъ окончательный сигналъ, вѣроятно, имѣвшій цѣлью усыпить нервныхъ людей, страдавшихъ безсонницей... Но намъ все же было тогда не до шутокъ.

На того, кто попалъ на нижнія или среднія нары, сверху, при малѣйшемъ движеніи лежавшихъ выше, падала пыль и солома—удовольствіе особенно для тѣхъ, кто имѣетъ дурную привычку спать съ открытымъ ртомъ... Къ тому же, доски гнулись и трещали при каждомъ движеніи, и казалось, что вотъ-вотъ тебя задавитъ. Опасенія эти были не напрасны.

На вторую или третью ночь мы, по заведенному порядку, около 10 час. улеглись спать. Большинство еще не успѣло—къ счастью—заснуть. Вдругъ слышу какой-то легкій трескъ и шумъ движенія. Оборачиваюсь направо, ко второму ряду наръ, расположенному вдоль стѣнъ, и глазамъ не вѣрю: весь рядъ наръ наклонился и падаетъ. Едва я успѣлъ спрыгнуть со своего мѣста, какъ всѣ эти нары съ шумомъ и грохотомъ обвалились вмѣстѣ съ лежавшими на нихъ, такъ что находившіеся на верхнихъ ярусахъ упали на лежавшихъ внизу. Раздались неистовые крики, вопли, стоны. Дамы съ плачемъ прибѣжали къ намъ со второго этажа, думая,

что тутъ всѣхъ разстрѣливаютъ. Многіе въ панникѣ бросились къ выходу, но стоявшіе у дверей часовые, не разобравъ, въ чемъ дѣло и предполагая попытку къ бѣгству (!), устремились на бѣгущихъ съ заряженными револьверами. Все это произошло въ теченіи 2—3 минутъ. Правда, сейчасъ же все выяснилось, и солдаты, совмѣстно съ нами, стали извлекать изъ-подъ обломковъ застрявшихъ тамъ людей. Къ счастью, убитыхъ не оказалось, было только нѣсколько ушибленныхъ и раненыхъ, которымъ наши врачи тотчасъ-же стали оказывать помощь (врачей было среди насъ человѣкъ 15—20). Если бы обвалъ произошелъ получасомъ позже, когда всѣ успѣли бы заснуть, несомнѣнно оказалось бы много убитыхъ, потому что въ обвалившемся ряду спало человѣкъ полтораста, изъ коихъ бóльшая часть лежала на нижнихъ ярусахъ.

Когда первая сумятица улеглась и раненымъ оказали помощь, стали опять укладываться спать, при чемъ тѣ, которые лишились наръ, легли прямо на полу (въ эту пору у насъ уже были мѣшки, набитые соломой). Только стали засыпать, какъ раздался громкій голосъ одного изъ нашихъ старостъ, симпатичнѣйшаго С. Ф. З—скаго: «господа, выходите по одному изъ помѣщенія, такъ какъ горитъ»... Оборачиваюсь:

вся поперечная стѣна, противъ «сцены», въ огнѣ. Снова поднялась суматоха, нѣкоторые бросились бѣжать, но тутъ другой староста, инж. К—нъ, объяснилъ, что то загорѣлся электрическій вентиляторъ, который скоро перегоритъ и огонь не распространится, тѣмъ болѣе, что постройка вѣдь каменная. Дѣйствительно, огонь вскорѣ погасъ, и публика стала успокаиваться.

Конечно, все происшедшее съ нами въ эту ночь—случайность. Но это весьма характерный показатель того, насколько власти «заботились» о нашей безопасности, о нашихъ удобствахъ. Во всякомъ случаѣ, все это дорого обошлось нашимъ нервамъ — особенно, если вспомнить, что среди насъ было много нервныхъ и сердечныхъ больныхъ. Если нѣкоторые изъ насъ за время заключенія посѣдѣли и надолго подорвали свое здоровье, то одна изъ ближайшихъ, конкретныхъ причинъ—пережитое въ эту памятную ночь.

У иныхъ изъ насъ зародилась наивная мысль—надежда, что происшедшее, устыдивъ власть имущихъ, побудитъ ихъ, по крайней мѣрѣ, поскорѣе освободить насъ. Увы, надежда эта, конечно, не оправдалась. Мы продолжали сидѣть по-прежнему и ждать у моря погоды. Мало того: чуть ли не съ слѣдующаго дня нашъ благородный лейтенантъ сталъ усиленно тре-

бовать съ насъ денегъ за «пансіонъ», прибѣгая ко всякаго рода уловкамъ и угрозамъ. Вотъ вамъ одна изъ уловокъ: лейтенантъ заявилъ, что въ такомъ-то часу къ намъ придетъ представитель одного изъ ростокскихъ банковъ и будетъ обмѣнивать желающимъ русскія деньги на германскія; кстати, курсъ русскихъ денегъ къ тому времени уже значительно поднялся—это было въ ту пору, когда русскія войска были у Инстербурга, въ восточной Пруссіи.—Дѣйствительно, явился банковскій служащій и, въ присутствіи лейтенанта, сталъ обмѣнивать деньги, при чемъ послѣдній тутъ же забиралъ у каждаго, сколько приходилось за все прожитое время. Правда, вѣсть объ этомъ тотчасъ же облетѣла всѣхъ, и размѣнъ вскорѣ прекратился...

А вотъ и еще примѣръ уловокъ, къ которымъ прибѣгало попечительное начальство для извлеченія денегъ изъ нашихъ тощихъ копельковъ. Когда мы были уже въ новомъ, третьемъ по счету, помѣщеніи (Кайзеръ-павильонъ), старшій унтеръ заявилъ намъ однажды (предварительно собравъ всѣхъ и «выстроивъ»):

— Возможно, что этой ночью (!) будетъ полученъ приказъ объ освобожденіи нѣкоторыхъ категорій изъ васъ. Чтобы не возникло затрудненій (!) при исполненіи этого приказа, предлагается тѣмъ изъ васъ, которые еще не

уплатили, вносить деньги. Сейчасъ я открою пріемъ денегъ». Конечно, все это явно было шито бѣлыми нитками: просто имѣлось въ виду заполучить деньжата. Но утопающій хватается за соломинку: нѣкоторые, въ самомъ дѣлѣ, отдали послѣднія марки. Само собой разумѣется, что ни въ эту ночь, ни въ одинъ изъ ближайшихъ дней никакого приказа не было, и мы послѣ этого просидѣли еще въ Ростокѣ мѣсяца полтора, а иные и теперь еще сидятъ тамъ.

Неуплатившимъ господинъ лейтенантъ неоднократно угрожалъ принудительными работами—это курортнымъ-то больнымъ! А вѣдь надо помнить, что у очень многихъ никакихъ денегъ, дѣйствительно, и не было. Большинство поистратилось, и лишь немногіе стали получать деньги изъ Россіи. Излишне пояснять, что при полученіи денегъ, проходившихъ черезъ руки военныхъ властей, у насъ отнимали слѣдовавшую (!) съ насъ сумму за истекшее время. Упомяну такой случай. Нѣкій учитель, застрявшій съ женой въ Ростокѣ, получилъ изъ дому 100 марокъ; за прожитое время съ нихъ обоихъ причиталось, по расчету властей, 97 марокъ 50 пфенниговъ; эту сумму и вычли и вручили получателю 2 марки 45 пф... У тѣхъ, кто получалъ суммы покрупнѣе, брали не только за истекшее время, а еще и сверхъ того—впередъ. На во-

просъ: «а что, если меня на дняхъ освободятъ?», слѣдовалъ отвѣтъ: «тогда вамъ вернутъ взятый излишекъ». Но его вернули бы такъ же, какъ вернули намъ тѣ сигары и папиросы, которые мы вручили начальству на храненіе послѣ знаменитаго приказа коменданта, запретившаго курить. Несмотря на неоднократныя требованія наши отдать намъ эти вещи (когда въ новомъ помѣщеніи уже можно было курить), онѣ и нынѣ еще «хранятся» въ Ростокѣ...

ГЛАВА IX.

Въ помѣщеніи «Бель-Вью» насъ ужъ нѣсколько лучше кормили, а за «пансіонъ» требовали только по 1 м. 50 пф. въ день; къ тому же, мы здѣсь ѣли за столами и сидѣли на стульяхъ, а не на соломѣ, какъ то было въ школьномъ зданіи. Появились тутъ въ нашемъ обиходѣ ножи и вилки, такъ какъ въ нѣкоторые дни намъ давали къ обѣду и по кусочку мяса. Это явилось все-таки улучшеніемъ, но настроеніе у насъ было здѣсь, пожалуй, болѣе тревожнымъ, чѣмъ раньше. Причины этого: съ одной стороны, невозможный лейтенантъ, а съ другой то, что часть «Бель-Вью» занимали солдаты, которыхъ здѣсь снаряжали въ походъ. То и дѣло раздавалось патріотическое пѣніе; неизбѣжное «Дойтчландъ, Дойтчландъ юберъ алесъ» положительно прожужжало уши. Конечно, при каждой вспышкѣ нѣмецкаго патріотизма самочувствіе наше было неблистательнымъ.

Во время нашего пребыванія въ «Бель-Вью» русскія войска успѣшно продвига-

лись въ восточную Пруссію. Хотя въ нѣмецкихъ газетахъ писали очень мало и осторожно о наступленіи русскихъ, при чемъ даже явныя пораженія свои нѣмцы умудрялись изображать въ видѣ побѣдъ, мы все-таки отлично понимали, что русская армія подвигается по направленію къ Кенигсбергу. Это видно было по тону газетъ да по тѣмъ фактамъ, которые нѣмцы истолковывали по своему, но которые сами за себя говорили. И нужно сказать, что наступленіе русскихъ произвело въ Германіи сильнѣйшее впечатлѣніе. Въ газетахъ стали писать въ успокаивающемъ духѣ, раздувая въ то же время германскія побѣды на западной границѣ и въ Бельгіи. Характернымъ показателемъ настроенія является, пожалуй, слѣдующее. Въ передовицѣ одной газеты, призывавшей населеніе къ спокойствію и твердости, съ укоромъ говорилось, между прочимъ, о тѣхъ, которые были недовольны ходомъ дѣлъ въ восточной Пруссіи. «Какіе среди насъ имѣются странные люди», говорила газета, «нѣкоторые позволяютъ себѣ даже острить въ такомъ духѣ: вчера вы, молъ, сообщили намъ о побѣдѣ надъ русскими при Гумбиненѣ, сегодня пишутъ о побѣдѣ при Инстербургѣ, завтра вы сообщите о побѣдѣ при Кенигсбергѣ, а послѣзавтра—въ Берлинѣ; что же это за «побѣды», если русскіе все продвигаются

да продвигаются?»...—Если нѣмцы могли такъ «острить», то увѣренность въ эту пору была, слѣдовательно, невелика.

Нужно сказать, что въ первомъ періодѣ войны на газетныхъ столбцахъ особенно доставалось... японцамъ. Помимо всѣмъ понятныхъ причинъ общаго характера, это объясняется еще и вотъ чѣмъ. Когда мы, въ воскресенье, 2 авг. н. ст., по объявленіи войны проѣзжали черезъ Берлинъ, тамъ творилось нѣчто невообразимое: огромныя толпы возбужденнаго народа, безконечныя манифестаціи, патріотическія пѣсни, погоня за уѣзжавшими русскими и т. д. Но въ центрѣ всего было, кажется, торжество, вызванное извѣстіемъ, что Японія объявила войну—Россіи... Бумажные листки съ телеграммами объ этомъ положительно наводняли центральныя улицы города. Говорили, что японскаго посла, проѣзжавшаго по «Унтеръ денъ Линденъ», извлекли изъ автомобиля, носили на рукахъ, засыпали цвѣтами. А черезъ нѣсколько дней выяснилось, что Японія, дѣйствительно, объявила войну, но только не Россіи, а—Германіи... Можно себѣ представить конфузъ и ярость нѣмцевъ противъ Японіи, смѣнившіе недавнее «обожаніе».

ГЛАВА X.

Настроеніе всей нашей «росгокской» группы колебалось, главнымъ образомъ, между двумя моментами: мы, бывало, цѣлыми днями оставались въ какой-то оцѣпенѣлой пассивности, порой же ее смѣняла особенно тяжелая угнетенность, рѣзко выраженное чувство подавленности. Послѣднее особенно сильно проявилось, наприм., по истеченіи первой недѣли плѣна, когда стало выясняться, что мы задержаны надолго—быть можетъ, до конца войны. Въ эту пору мы, пожалуй, острѣе всего ощущали чувство оторванности отъ Россіи, да и отъ всего Божьяго міра. И мнѣ пріятно вспомнить, что именно въ это время въ наши камеры заглянулъ лучъ надежды, мелькнулъ просвѣтъ. Одинъ изъ моихъ сосѣдей по камерѣ, житель города Симбирска, наудачу отправилъ открытку русскому посланнику въ Даніи: авось, молъ, нѣмецкія власти пропустятъ эту открытку. Дѣйствительно, она дошла по назначенію, и въ самомъ непродолжительномъ времени отъ посланника на-

шего, барона Буксгевдена, на имя отправителя получился такой приблизительно отвѣтъ: «Содержанiе вашей открытки я передалъ вашимъ роднымъ по телеграфу. Сообщите вашимъ соотечественникамъ, задержаннымъ вмѣстѣ съ вами, что я охотно буду передавать по назначенiю содержанiе подобныхъ писемъ (о здоровьѣ и мѣстопребыванiи), а также перешлю списокъ ихъ фамилiй въ Петроградъ, для свѣдѣнiя заинтересованныхъ лицъ». Едва ли читатель представляетъ себѣ, какимъ прiятнымъ сюрпризомъ для насъ всѣхъ были эти строки. Мы, прежде всего, почувствовали, что вошли, наконецъ, въ соприкосновенiе съ родиной и вообще съ внѣшнимъ мiромъ—это было поистинѣ праздникомъ для насъ. Появилась надежда (впослѣдствiи оправдавшаяся), что черезъ посланника мы сможемъ получить вѣсти изъ дому и деньги. Съ этого дня потянулись безконечныя открытки и телеграммы на имя барона Буксгевдена, которыя—насколько мнѣ извѣстно—всѣ дошли по назначенiю. Какъ мнѣ приходилось слышать, такая же корреспонденцiя потекла въ Копенгагенъ и изъ другихъ городовъ Германiи, отъ тысячъ и десятковъ тысячъ задержанныхъ тамъ русскихъ. Можно себѣ представить, какую работу это создало канцелярiи русской миссiи въ Копенгагенѣ—работу, исполнявшуюся са-

мымъ добросовѣстнымъ и предупредительнымъ образомъ. И мнѣ доставляетъ истинное удовольствіе выразить здѣсь мою—и, я увѣренъ, очень и очень многихъ моихъ соотечественниковъ—глубокую благодарность барону Буксгевдену за его любезное вниманіе и гуманную предупредительность.

Принимая во вниманіе условія военнаго времени и многочисленность инстанцій, черезъ которыя проходили всякаго рода почтово-телеграфныя отправленія, деньги изъ Россіи могли получаться нескоро. Между тѣмъ, значительное число заключенныхъ оказалось прямо-таки въ критическомъ матеріальномъ положеніи. Въ виду этого старостами нашими былъ организованъ такъ называемый «хлѣбный фондъ». Такъ какъ довольствоваться казеннымъ пайкомъ *) невозможно было—это значило бы жить впроголодь—то приходилось прикупать хотя бы хлѣбъ. И вотъ неимущимъ безплатно выдавался хлѣбъ на деньги, которыя мы собирали среди болѣе состоятельныхъ изъ насъ. Хлѣбнымъ фондомъ завѣдывалъ добрѣйшій князь Г. Г. К—въ (изъ Харбина), на долю котораго выпала довольно хлопотливая работа по сбору де-

*) Строго говоря, отпускавшееся намъ продовольствіе мы для краткости назвали казеннымъ пайкомъ, ибо какой же онъ „казенный", разъ за него требовали уплаты!..

негъ и веденію «денежной отчетности». Немало и своихъ денегъ потратилъ на неимущую братію князь К., которому передъ отъѣздомъ его изъ Ростока преподнесли благодарственный адресъ отъ имени всѣхъ, прибѣгавшихъ къ его отзывчивости. Вообще, нужно отмѣтить, что всѣ «должностныя лица» наши (старосты), избранныя для поддержанія внутренняго порядка среди насъ и для сношеній съ нѣмецкими властями, немало потрудились ради общаго дѣла. Безъ этой маленькой организаціи положеніе всей группы (а насъ было вначалѣ человѣкъ 500) было бы еще болѣе безпомощнымъ. Нѣкоторые изъ старостъ положительно были поглощены общественной, такъ сказать, работой —какъ, наприм., литераторъ А. Н. Р—нъ, о которомъ всѣ отзывались (и по справедливости), какъ о свѣтлой личности, инж. К—нъ, С. Ф. З—скій, о которомъ я упоминалъ выше, д-ръ Р—гъ и друг.

Взаимныя отношенія между всѣми нами были вполнѣ хорошими—въ особенности, на первыхъ порахъ, когда въ виду общей бѣды мы составляли какъ бы одну огромную семью, безъ различія общественнаго положенія и національностей *). Правда, съ теченіемъ времени пу-

*) Какъ я уже говорилъ выше, среди насъ были, кромѣ русскихъ-православныхъ, армяне, евреи, поляки, финны, латыши, караимы, эсты и др.

блика наша стала по-немногу дифференцироваться въ болѣе тѣсныя группы, соотвѣтственно «званію и состоянію», но все-же духъ товарищества не покидалъ нашей группы до самаго конца нашего «вавилонскаго плѣненія». При всемъ томъ, было чрезвычайно тоскливо, и то и дѣло задавали другъ другу неизмѣнный вопросъ: «сколько же мы тутъ будемъ сидѣть?» или, какъ выражался нашъ добродушный москвичъ, Ф. Я. М—въ, съ кротко-скорбной миной на лицѣ: «зачѣмъ они насъ держатъ, п....цы?»...

ГЛАВА XI.

Въ «Бель-Вью» мы пробыли недѣлю, а затѣмъ намъ было заявлено, что насъ переведутъ въ другое помѣщеніе. Опять пошли толки да догадки: куда насъ, молъ, на сей разъ запрячутъ? Оказалось, что насъ перевели въ такъ наз. «Кайзеръ-Павильонъ». Это — загородный лѣтній ресторанъ, при которомъ имѣется садъ. Однако, въ наше пользованіе предоставили не весь садъ, а лишь узкую, длинную полосу, отгороженную рѣшеткой. Кайзеръ - Павильонъ былъ, такимъ образомъ, третьимъ и послѣднимъ мѣстомъ нашего заключенія въ Ростокѣ. Здѣсь также были сколочены нары для насъ, но уже болѣе прочныя, такъ что новаго обвала не произошло. Это былъ первый плюсъ нашей новой резиденціи, а второй заключался въ томъ. что въ отведенной намъ, хотя и не широкой, полосѣ сада воздухъ былъ очень хорошъ, такъ какъ Кайзеръ-Павильонъ находился за городомъ и примыкалъ къ небольшой рощѣ. До се-

редины сентября стояла, въ общемъ, благопріятная погода, и мы цѣлые дни топтались по отмежеванной намъ полосѣ и грѣлись на солнышкѣ. Но зато какъ скверно бывало въ ненастные дни, когда приходилось все время проводить во внутреннемъ помѣщеніи, совершенно не разсчитанномъ на «спальню» для столь большого числа людей. Воздухъ здѣсь былъ плохъ не столько отъ скопленія людей, сколько изъ-за непосредственной близости внутреннихъ уборныхъ. Для поддержанія хотя бы относительной чистоты и опрятности старостамъ и «дежурнымъ» приходилось затрачивать немало труда и энергіи. Дежурными назывались у насъ тѣ очередные 8 человѣкъ, которые ежедневно назначались—въ алфавитномъ порядкѣ фамилій—для уборки внутренняго и внѣшняго помѣщенія нашего. Нежелавшіе деружить «откупались» взносомъ небольшой суммы денегъ въ пользу хлѣбнаго фонда, и фактически бо́льшая часть работы выпадала на долю студенческой молодежи, хотя—оговариваюсь—эту работу исполняли и законченные обладатели дипломовъ и степеней... Пища здѣсь была похуже, чѣмъ въ Бель-Вью, при чемъ порой мы получали безплатную «премію» къ обѣду—въ видѣ червей въ мясѣ. Въ первый разъ, когда было обнаружено это непредвидѣнное блюдо, поднялся

шумъ: составили протоколъ, и врачи наши удостовѣрили, что сіи бѣленькія тѣльца не гарниръ, а—черви. Дѣлу былъ данъ ходъ, по порученію военнаго врача, навѣщавшаго насъ отъ времени до времени, къ намъ сталъ являться нѣкій чинъ для наблюденія за пищей, но черезъ нѣсколько дней въ поданномъ намъ къ столу рисѣ также оказались черви. Оговариваюсь, впрочемъ, что выраженіе «въ поданномъ» не болѣе, какъ façon de parler, ибо всѣ трапезы намъ отнюдь не подавали—мы сами, конечно, услуживали себѣ. Для соблюденія порядка мы, при полученіи пищи, становились въ очередь. Въ этой очереди приходилось ежедневно выстаивать часами, ибо процедура эта продѣлывалась четыре раза въ день: къ утреннему и вечернему «кофе», къ «обѣду» и «ужину», а насъ было нѣсколько сотъ человѣкъ. При этомъ я не считаю еще, такъ сказать, частичной очереди: когда умывались, когда отправлялись спать и т. д.

Вначалѣ по поводу этихъ безконечныхъ очередей иные острили: «ого, какъ на концертъ Шаляпина!», но потомъ это выстаиванье до того надоѣло, что уже не до остротъ было.

Во избѣжаніе толкотни во время обѣда и «злоупотребленій» со стороны наиболѣе нетерпѣливыхъ, старосты роздали всѣмъ билетики

съ номерами, и кто-нибудь изъ насъ, обладавшій болѣе зычнымъ голосомъ, вызывалъ по порядку: «номера отъ перваго до десятаго... отъ 220 до 230» и т. д. По большей части роль такого «глашатая» выпадала на долю артиста В—на, котораго всѣ находили очень милымъ товарищемъ и называли просто «Максомъ». Этотъ-же Максъ, обладатель феноменальнаго голоса, вызывалъ также тѣхъ, кого требовало къ себѣ начальство, главнымъ образомъ, въ лицѣ унтеръ-офицера.

Въ Кайзеръ - Павильонѣ (переименованномъ впослѣдствіи, изъ патріотическихъ соображеній, въ Бисмарксхёе) унтеръ-офицеръ былъ нашимъ главнымъ «начальникомъ». Этотъ унтеръ—какъ говорили, бывшій учитель гимназіи—не отличался свойственной прусскимъ унтерамъ свирѣпостью и держался довольно корректно, такъ что при его «управленіи» намъ жилось болѣе сносно. Но и у него прорывались «художества». Такъ, напримѣръ, однажды за обѣдомъ онъ грубѣйшимъ образомъ накричалъ на одну даму изъ Ростова за то лишь, что около нея какимъ-то образомъ оказалось на столѣ... вмѣсто одного ножа—два: непорядокъ, молъ! Упомянутый унтеръ имѣлъ общее завѣдываніе и наблюденіе за нами; что же касается спеціальнаго караула, то послѣдній

смѣнялся, а вмѣстѣ съ нимъ мѣнялись и начальники караула. И вотъ въ числѣ этихъ-то бывали чрезвычайно нахальные субъекты. Въ 6 часовъ утра они грубо будили насъ окрикомъ: «всѣмъ встать!», а одинъ изъ нихъ позволилъ себѣ слѣдующій безобразный поступокъ. Безцеремонно войдя около 6 час. утра въ дамское отдѣленіе, онъ приказалъ всѣмъ встать. Одна изъ дамъ сказала ему, что въ его присутствіи онѣ не могутъ одѣваться—пусть выйдетъ. Въ отвѣтъ на это замѣчаніе сей господинъ схватилъ кружку холодной воды и облилъ ближайшую къ нему даму, которая позволила себѣ не сразу подняться. Оказалось, между прочимъ, что эта дама была больна, и въ этотъ день температура у нея доходила до 40°.

Главная работа нашего постояннаго унтера заключалась въ выдачѣ намъ денегъ и писемъ, получавшихся изъ Россіи, и въ распредѣленіи насъ по группамъ и спискамъ. Вѣроятно, читателю неясно, о какомъ это распредѣленіи идетъ рѣчь. Увы, и мы сами не могли понять, кому это все нужно и что это за списки. Могу только сказать, что списки эти составлялись безчисленное множество разъ и что каждый подсчетъ вызывалъ у насъ тѣ или иныя надежды и опасенія. Какъ только насъ не сортировали! Дѣлили насъ по возрастамъ и поламъ, по

національностямъ и вѣроисповѣданіямъ, группировали на больныхъ и здоровыхъ, на уплатившихъ за «пансіонъ» и неуплатившихъ, на семейныхъ и одинокихъ и т. д. и т. д. Среди насъ острили, что будутъ насъ еще дѣлить на блондиновъ и брюнетовъ, на такихъ, которые имѣли сѣдину до Ростока и тѣхъ, которые посѣдѣли въ Ростокѣ, на счастливыхъ въ любви и наоборотъ... При каждой сортировкѣ насъ предварительно выстраивали по 4 въ рядъ, какъ солдатъ, и требовали стоять чинно, какъ въ строю; вы можете все-таки представить себѣ, что это были за «ряды», которые подчасъ состояли изъ стариковъ, подростковъ и больныхъ, еле державшихся на ногахъ. Какъ и слѣдовало ожидать, всѣ эти сортировки оказались рѣшительно ни къ чему, и когда насъ стали отпускать въ Россію, былъ составленъ новый списокъ только по возрастамъ—т. е. дѣленіе на лицъ выше и ниже 45-лѣтняго возраста.

Разъ какъ-то явился въ «Павильонъ» комендантъ города, прокатился верхомъ на конѣ вдоль сада и вскорѣ уѣхалъ, издавъ распоряженіе, чтобы при слѣдующихъ его появленіяхъ всѣ наши кланялись бы ему. Одинъ изъ нашихъ старостъ, сообщая объ этомъ распоряженіи, посовѣтовалъ мужчинамъ, на случай новаго появленія коменданта, выходить изъ внутренняго

помѣщенія безъ головного убора, дабы этимъ путемъ избавить себя отъ принудительнаго сниманія шляпъ передъ нѣмецкимъ начальствомъ.

ГЛАВА XII.

Вскорѣ послѣ нашего переселенія въ Кайзеръ-Павильонъ намъ было запрещено читать газеты—даже мѣстныя, ростокскія. Насколько это распоряженіе было по существу нелѣпо, видно изъ того, что недѣли черезъ двѣ, когда намъ всѣмъ разрѣшено было селиться на частныхъ квартирахъ, мы безпрепятственно читали какія угодно нѣмецкія газеты, а нѣкоторые изъ насъ доставали даже итальянскіе и шведскіе органы. Тѣ изъ нашихъ дамъ, которыя въ опредѣленные часы отпускались въ городъ за покупками, прочитывали тамъ газеты и телеграммы и, возвратясь «домой», дѣлились съ нами контрабандой... Но начальство узнало про это —по тѣмъ кучкамъ, которыя собирались вокругъ возвращавщихся дамъ—и объявило, что, если сіе будетъ продолжаться, то дамамъ запретятъ ходить въ городъ.

Запрещеніе читать газеты очень угнетало насъ—людей, которые въ большинствѣ своемъ

никогда не испытывали такого лишенія; это было тѣмъ болѣе непріятно, что газеты были для насъ и единственнымъ развлеченіемъ.

Но зато мы въ воскресные дни имѣли здѣсь особаго рода «развлеченіе». Въ той части сада, которая отдѣлена была отъ насъ рѣшеткой, по воскресеньямъ собиралась нѣмецкая публика и во всѣ глаза смотрѣла на насъ. Владѣлецъ ресторана—тотъ самый, который угощалъ насъ червивымъ мясомъ—рѣшилъ, очевидно, извлечь особый доходъ изъ нашего пребыванія въ «Павильонѣ» и пригласилъ публику посмотрѣть «ди Русенъ». И нужно сказать, что онъ не ошибся въ расчетѣ: сборъ бывалъ по воскресеньямъ полный... Попивая пиво, каждый изъ посѣтителей съ жаднымъ любопытствомъ уставлялся на насъ. Иные подходили вплотную къ рѣшеткѣ, смотрѣли даже съ помощью биноклей и вслушивались въ незнакомую рѣчь. Намъ все это было, конечно, чрезвычайно противно, но ничего нельзя было сдѣлать—пришлось мириться съ ролью звѣрей въ клѣткѣ. Слѣдуетъ, впрочемъ, отмѣтить, что ничего враждебнаго на лицахъ этихъ зѣвакъ не видно было—было одно только глупое любопытство.

Говоря объ отношеніи къ намъ германскихъ военныхъ властей, я хочу отмѣтить, что

изъ всѣхъ прикосновенныхъ къ нѣмецкому начальству лицъ, съ которыми мы сталкивались, одинъ только военный врачъ, д-ръ З., посѣщавшій насъ по обязанностямъ службы, относился къ намъ не только вполнѣ корректно, но и съ нѣкоторымъ участіемъ. Между прочимъ, впослѣдствіи выяснилось, что этотъ врачъ—еврей.

Въ Кайзеръ-Павильонѣ мы прожили недѣли три. Въ одинъ прекрасный день явился къ намъ начальникъ ростокской сыскной полиціи, велѣлъ всѣмъ собраться—«аллесъ херайнъ!»—и объявилъ, что съ этого дня мы будемъ считаться не военно-плѣнными, а просто—временно задержанными въ Германіи и что мы можемъ селиться въ городѣ на частныхъ квартирахъ. «Но—добавилъ онъ—и не думайте о попыткахъ уйти изъ предѣловъ города Ростока, иначе съ вами поступятъ по законамъ военнаго времени». Въ ближайшіе два дня намъ предоставлялось свободно ходить по городу и искать квартиры, а въ дальнѣйшемъ, по истеченіи этихъ двухъ дней, мы должны были сидѣть по своимъ квартирамъ, имѣя право выходить въ городъ только 1½ часа въ день, отъ 10 до 11½ час. дня. Правда, черезъ два дня наступило смягченіе режима: мы имѣли право выходить изъ квартиръ весь день, за исключеніемъ двухъ часовъ—отъ 4 до 6 час. пополудни; эти 2 часа

мы должны были оставаться дома, на случай полицейскаго контроля. При перемѣнѣ квартиры мы должны были немедленно лично сообщать полиціи свой новый адресъ.

Такимъ образомъ, насталъ послѣдній періодъ нашего плѣна — періодъ относительной свободы. Селиться мы старались небольшими группами, по близости одна отъ другой, такъ какъ мы опасались эксцессовъ со стороны населенія, а живя группами и по сосѣдству, мы все-же чувствовали себя какъ-то увѣреннѣе... Но, справедливости ради, я хочу тутъ-же отмѣтить, что опасенія наши были напрасны: населеніе относилось къ намъ въ высшей степени корректно и, за ничтожными исключеніями, все пребываніе наше въ самомъ городѣ не ознаменовалось никакими инцидентами либо столкновеніями съ мѣстными жителями.

У читателя можетъ возникнуть вопросъ: не противорѣчитъ ли только что сказанное тому, что я говорилъ выше объ отношеніи къ намъ не только со стороны военныхъ властей, но и со стороны населенія въ первые дни—наприм., когда насъ вели по улицамъ Нойштрелица или въ Ростокѣ-же, когда мы шли съ вокзала въ Кнабеншуле? Это кажущееся противорѣчіе я и хочу выяснить и, вмѣстѣ съ тѣмъ, попытаюсь

въ слѣдующихъ главахъ объективно разобраться въ томъ хаосѣ необычныхъ переживаній, которыя выпали на нашу долю и которыя заставили насъ увидѣть вмѣсто культурнаго лица германскаго народа—звѣриное обличье...

ГЛАВА XIII.

Я привелъ множество случаевъ, которые съ достаточной, полагаю, яркостью свидѣтельствуетъ о проявленной нѣмцами грубости, жестокости, злобѣ и неправомѣрности. Но я постараюсь отбросить субъективное чувство негодованія и обиды и спокойно отвѣтить на вопросъ: какъ это могло случиться и кто въ этомъ виноватъ—нѣмецкій ли народъ въ цѣломъ или опредѣленные его слои, извѣстные элементы? Предварительно я позволю себѣ, однако, сдѣлать поясненіе: всѣ приведенные случаи имѣли мѣсто, главнымъ образомъ, въ Ростокѣ и Нойштрелицѣ, но явленія, подобныя описаннымъ, въ той или иной степени, въ тѣхъ или иныхъ варіаціяхъ, происходили—какъ мнѣ пришлось убѣдиться—и въ другихъ концахъ Германіи по отношенію ко многимъ тысячамъ русскихъ гражданъ. Такимъ образомъ, обрисованные мною случаи представляютъ собою часть общей, однородной картины, и это даетъ мнѣ право дѣлать общіе выводы—тѣмъ болѣе, что я прежде

подолгу, годами живалъ въ Германіи, былъ знакомъ съ нѣмецкой жизнью въ мирное, нормальное время и, слѣдовательно, могу болѣе или менѣе объективно сопоставлять факты и разсматривать ихъ въ причинной ихъ связи.

Итакъ, кого и что винить въ томъ, что произошло въ отношеніи насъ, русскихъ? Прежде всего, я попытаюсь въ общихъ чертахъ установить, съ кѣмъ именно, съ какими группами и элементами германскаго народа намъ пришлось больше всего сталкиваться въ тѣ или иные моменты описываемаго періода. Съ военными властями, а также съ простыми солдатами мы приходили въ соприкосновеніе во все время нашихъ злоключеній, а съ населеніемъ вообще— въ первые нѣсколько дней, т. е. въ самомъ началѣ войны, и въ послѣднія 3—4 недѣли, когда мы жили въ городѣ, на вольныхъ квартирахъ.

Что касается военныхъ властей, т. е. представителей германской правящей военщины, то о нихъ у насъ составилось совершенно ясное, однородное представленіе. Мы могли, на основаніи непосредственныхъ впечатлѣній и наблюденій, убѣдиться въ томъ, что весьма опредѣленная репутація, какой повсемѣстно пользуется германскій милитаризмъ, является вполнѣ заслуженной. Начиная съ унтеръ-офицера и идя вверхъ по военно-іерархической лѣстницѣ,

мы наблюдали вездѣ одно и то же: всякій, надѣленный хотя бы малѣйшей властью, неизмѣнно проявлялъ черты, присущія всей германской военной кастѣ—грубость, надменность, тупую самоувѣренность.

Нужно замѣтить, что прусскіе и, вообще, германскіе унтеръ-офицеры представляютъ собой нѣчто специфическое въ германской военной системѣ: оставаясь нижними чинами, они значительно отличаются по характеру своему отъ однородныхъ группъ другихъ европейскихъ армій; они, такъ сказать, воспитываются въ духѣ всей германской военно-кастовой системы и являются однимъ изъ наиболѣе характерныхъ звеньевъ ея. По отношенію къ своимъ подчиненнымъ, рядовымъ солдатамъ, они являются не только полновластными начальниками, но и сплошь да рядомъ ихъ мучителями и истязателями. Объ этомъ свидѣтельствуютъ многочисленные процессы, ежегодно разбирающіеся въ военныхъ судахъ Германіи и публикуемые въ газетахъ. Въ этихъ процессахъ, несомнѣнно отражающихъ лишь часть того, что происходитъ въ дѣйствительности, раскрываются поистинѣ ужасающія картины жестокости и истязаній, которымъ подвергаются несчастные солдаты—картины, совершенно неизвѣстныя и невозможныя въ другихъ европейскихъ странахъ.

Вотъ почему, говоря о германскомъ милитаризмѣ и представителяхъ его, я упоминаю также и объ унтеръ-офицерахъ, хотя они по происхожденію и положенію своему и не принадлежатъ, конечно, къ феодально-юнкерской кастѣ, изъ которой комплектуется ядро германскаго офицерства.

Что касается офицерскихъ чиновъ, начиная съ лейтенанта, то они предстали передъ нами, точно живыя иллюстраціи къ той картинѣ прусско-германскаго милитаризма, которая большинству изъ насъ была извѣстна, такъ сказать, по наслышкѣ. Допустимъ на моментъ, что всѣ эти господа просто придерживались въ отношеніи насъ правилъ и инструкцій военнаго порядка, которыя поэтому могли показаться намъ, людямъ непривычнымъ, суровыми. Но развѣ военная этика требуетъ грубости, звѣрскихъ окриковъ, нелѣпыхъ угрозъ по отношенію къ мирной толпѣ людей, среди которыхъ были женщины, больные, старики?! Развѣ подобаетъ офицеру хватать безоружныхъ людей за шиворотъ, угрожать «мордобитіемъ», толкать женщинъ, всячески вымогать деньги — пусть въ пользу казны—у арестованныхъ людей, отрѣзанныхъ отъ родины, захваченныхъ въ дорогѣ вопреки международному праву? Отвѣтъ на эти вопросы ясенъ: всѣ такія явленія воз-

можны у людей, которые, не чувствуя необходимости «церемониться» съ беззащитными, показали свое истинное лицо, которые проявили свои укоренившіеся взгляды и навыки, привитые феодально-кастовой системой милитаризма. Да, прусско-германское офицерство—кость отъ кости и плоть отъ плоти феодальнаго юнкерства, которое удивительнымъ образомъ понынѣ сохранило почти всѣ свои средне-вѣковые устои и задаетъ тонъ всему прусско-германскому укладу жизни. Нужно принять во вниманіе весь строй—экономическій и правовой—феодальной касты Пруссіи, чтобы понять, какъ въ культурной странѣ возможны тѣ уродливыя явленія, съ которыми намъ пришлось столкнуться, но которыя, въ сущности, угнетаютъ и подавляютъ все лучшее, что есть въ самой Германіи.

ГЛАВА XIV.

На этихъ дняхъ мнѣ случайно попалась въ руки книга проф. Рейснера подъ названіемъ «Вильгельмъ II и желѣзная имперія» *). Авторъ этой книги—знатокъ германской жизни, и сообщаемыя имъ данныя носятъ характеръ полной достовѣрности. Для поясненія сущности нѣмецкаго феодализма я и позволю себѣ привести нѣсколько цитатъ изъ упомянутой книги.

...«Пышнымъ цвѣтомъ», говоритъ проф. Рейснеръ, «расцвѣли старые владыки мрачнѣйшей Германіи: реакціонеры и мракобѣсы, вотчинное привилегированное дворянство, или въ просторѣчіи «юнкерство».—Поземельныя владѣнія и придворная служба, военная карьера и гражданскія должности до сихъ поръ въ рукахъ дворянства, которое на военной службѣ пользуется положительной монополіей.—Главная опора юнкерства это—«майораты и фидеикомиссы, заповѣдныя и родовыя имѣнія, во многомъ со-

*) Петроградъ 1914 г.

хранившія старыя вотчинныя права и патримоніальную власть...» «Для русскаго пониманія эти вотчинные участки—центры феодальнаго абсолютизма — представляютъ собою нѣчто весьма странное; въ нихъ помѣщикъ обладаетъ правами мѣстной общины; въ своей единой особѣ онъ представляетъ и общинное собраніе, и общинную власть, и плательщика податей, и раскладчика ихъ на свою собственную особу... И вполнѣ естественно, что, совмѣщая въ своемъ лицѣ цѣлую общину, помѣщикъ, при помощи простой канцелярской работы, можетъ создать изъ себя крупную величину въ области мѣстнаго управленія. Стоитъ ему только наложить самому на себя громадные сборы для поправки своихъ дорогъ и затѣмъ донести самому себѣ, что за эти громадныя суммы имъ сдѣланы расходы по водворенію мѣстнаго благоустройства, и дѣло въ шляпѣ. Помѣщикъ получаетъ голосъ, благодаря этой несложной операціи, и въ мѣстномъ представительствѣ, и въ привилегированномъ классѣ избирателей ландтага, и получаетъ такой же вѣсъ и вліяніе, какъ тысячи субъектовъ «такъ называемаго народа», не имѣющіе возможности совмѣщать въ своемъ лицѣ одновременно и оцѣнщика, и заказчика, и исполнителя по совершенію важныхъ мѣстныхъ предпріятій общественнаго ха-

рактера. Но важнѣе всего, конечно, тѣ полномочія, которыя дѣлаютъ помѣщика высшей властью надъ всѣмъ населеніемъ въ предѣлахъ его вотчины... Онъ, наприм., въ силу этого налагаетъ денежные штрафы съ замѣною ихъ соотвѣтственнымъ арестомъ... Въ особенности, однако, полицейская власть помѣщика оказывается для нихъ полезной въ отношеніяхъ съ ихъ рабочими и челядью. Благородный господинъ здѣсь играетъ роль и судьи, и хозяина вмѣстѣ. Гдѣ не хватаетъ хозяйскаго глаза и голоднаго принужденія, тамъ дополняетъ ихъ полицейская мощь и насиліе именемъ государства».

Къ тому же проводится цѣлая система искусственныхъ мѣръ, «при помощи которыхъ прусскіе феодалы застраховываются за государственный счетъ отъ бурь и бѣдъ современнаго капиталистическаго производства и получаютъ возможность жить въ XVII вѣкѣ при наличности XX столѣтія. Мы не говоримъ здѣсь спеціально о податныхъ изъятіяхъ благородныхъ господъ, о желѣзно-дорожныхъ тарифахъ и таможенныхъ пошлинахъ, которые прикрываютъ словно теплой периной страждущихъ и нуждающихся аграріевъ въ ихъ постоянной финансовой бѣдѣ, мы хотимъ отмѣтить здѣсь только тѣ любовные дары правительства аграріямъ,

которые прямо выдѣляютъ ихъ въ особенный привилегированный классъ государства». Такъ, напримѣръ: «Знаменитый фондъ для расширенія нѣмецкой колонизаціи среди польскихъ мѣстностей принесъ сотни милліоновъ марокъ нуждающимся нѣмецкимъ помѣщикамъ и за счетъ казны повысилъ въ громадной степени цѣнность ихъ имѣній... Учрежденіе 1900 года о рентныхъ имѣніяхъ пришло на помощь задолженнымъ помѣщикамъ и за счетъ государства устроило имъ погашеніе многочисленныхъ ипотечныхъ долговъ. Цѣлый рядъ законовъ о наслѣдованіи крестьянскихъ дворовъ... обезпечили помѣщикамъ резервный фондъ безземельныхъ пролетаріевъ въ качествѣ дешевой рабочей силы для культуры ихъ скромныхъ владѣній. Наконецъ, существованіе до сихъ поръ землевладѣльческихъ фидеикомиссовъ... создаетъ для бѣдныхъ феодаловъ неприступную твердыню экономическаго благосостоянія, о которую разбивается весь напоръ современнаго хозяйственнаго движенія».

«И всѣ эти прирожденныя свойства и благопріобрѣтенныя сокровища—говоритъ далѣе проф. Рейснеръ—не только могутъ храниться въ полной безопасности въ юнкерскихъ гнѣздахъ, но и сыграть вліятельную роль въ дѣлѣ устройства «общаго блага». На нихъ зиждется

удивительное прусское представительство помимо и безъ вѣдома народа; ими проникнута юнкерская бюрократія Германіи съ ея кастовой замкнутостью и презрѣніемъ къ бюргерскимъ «канальямъ»; ихъ лицемѣрнымъ духомъ и грубымъ своекорыстіемъ проникнута идеологія прусско-германскаго консерватизма, который подъ звонкими и пышными фразами скрываетъ грубую политическую мощь и кастовую исключительность».

Таковы, говоря лишь въ общихъ и краткихъ чертахъ, устои юнкерства, которое и является главной основой, душой современнаго прусско-германскаго милитаризма. Если принять во вниманіе психику представителей этой привилегированной касты, которые смотрятъ на всѣхъ, не принадлежащихъ къ ихъ благородному сословію, какъ на паріевъ, какъ на неизбѣжное зло, какъ на пьедесталъ для поддержанія ихъ блистательнаго величія, то станетъ болѣе понятнымъ все то, что я выше говорилъ о типахъ военной Германіи, съ которыми намъ, бывшимъ въ плѣну, приходилось, къ сожалѣнію, сталкиваться. Ибо, повторяю, германское офицерство всѣхъ ранговъ—плоть отъ плоти феодальнаго юнкерства.

Правда, все сказанное выше относится, главнымъ образомъ, къ Пруссіи, но вѣдь нужно

помнить, что въ ряду германскихъ союзныхъ государствъ Пруссіи принадлежитъ безспорная гегемонія, и прусскій бронированный кулакъ даетъ себя чувствовать всей остальной Германіи, вліяя на многія стороны германской жизни вообще.

При видѣ всего того, что господа феодалы въ военной формѣ позволяли себѣ по отношенію къ намъ, курортнымъ больнымъ или туристамъ, находившимся какъ-никакъ подъ защитой германскихъ законовъ, мы легко могли себѣ представить, что они продѣлывали, скажемъ, въ «завоеванной» Бельгіи...

Я позволилъ себѣ подробнѣе остановиться на феодальномъ юнкерствѣ, ибо полагаю, что только при ближайшемъ знакомствѣ съ нимъ, можно понять ту свирѣпость, которая была проявлена по отношенію къ намъ. Въ самомъ дѣлѣ, помимо чувства негодованія и гнѣва, которое вызывали у насъ г.г. милитаристы, вѣдь возникалъ и возникаетъ чисто объективный вопросъ: да какъ все это оказалось возможнымъ? Откуда это взялось въ культурной странѣ, гдѣ многіе изъ насъ часто бывали или даже подолгу живали и гдѣ такихъ возможностей никто не подозрѣвалъ? И вотъ оказывается: то распоясались господа юнкера; они выявили свою истинную сущность, показали свое подлинное лицо

—обликъ мракобѣса и кулака, средневѣковаго рыцаря большой дороги... Конечно, возникаетъ другой вопросъ: если Германія, дѣйствительно, культурная страна, то какъ могла сохраниться въ ней эта могущественная феодальная каста? Но разсмотрѣніе этого вопроса завело бы меня слишкомъ далеко. Я долженъ ограничиться констатированіемъ факта, который непосредственно относится къ недавнимъ событіямъ и находится въ причинной связи съ ними.

ГЛАВА XV.

Что касается простыхъ солдатъ, поскольку намъ приходилось сталкиваться съ ними, то картина ихъ отношеній къ намъ такова. Въ первые дни послѣ объявленія войны они, какъ я упоминалъ выше, также позволяли себѣ грубости и даже пинки. Но то было время перваго угара, когда по всей Германіи пронесся ураганъ шпіономаніи и въ каждомъ русскомъ видѣли шпіона... Къ тому же они дѣйствовали по примѣру и приказу своихъ начальниковъ, уже достаточно мною обрисованныхъ. Впослѣдствіи же, когда намъ приходилось чаще соприкасаться съ ними, они, сами страдальцы, стонущіе подъ игомъ своихъ свирѣпыхъ начальниковъ, относились къ намъ или безразлично или даже благодушно, и зла они намъ не причиняли...

Теперь разскажу объ отношеніи къ намъ мирнаго, гражданскаго населенія.

Схема отношеній къ намъ населенія, въ общемъ, та же, что и со стороны солдатъ. Я уже разсказывалъ въ первыхъ главахъ этой книжки,

какъ насъ водили подъ конвоемъ по улицамъ Нойштрелица, а затѣмъ Ростока; тогда толпа, запружавшая улицы, встрѣчала насъ съ криками и угрозами, повсюду виднѣлись поднятые кулаки и слышались утѣшительныя обѣщанія, что насъ всѣхъ перевѣшаютъ, какъ собакъ... Причина все та же: въ насъ видѣли шпіоновъ, собранныхъ со всѣхъ концовъ Германіи. Тутъ я долженъ повторить то, что говорилъ выше. Въ эту безумную пору германская пресса совершила тяжкій грѣхъ: зная, какое огромное число русскихъ, въ качествѣ курортныхъ больныхъ или туристовъ, находится въ Германіи, почти всѣ нѣмецкія газеты въ тѣ знаменательные дни писали, что Германія полна русскихъ шпіоновъ и что каждый нѣмецъ исполнитъ свой патріотическій долгъ, если поможетъ излавливать ихъ. Между прочимъ, писали также, что въ разныхъ мѣстахъ Германіи русскіе взрывали какіе-то мосты. Если къ тому же вспомнить, что ядъ милитаризма, насаждаемаго юнкерствомъ, успѣлъ разлиться и по другимъ слоямъ населенія и, до извѣстной степени, отравить сознаніе очень многихъ, особенно въ средѣ мѣщанства; что нѣмцы и вообще шовинисты—даже въ широкихъ низахъ; что въ ихъ представленіи «фатерландъ»—воплощеніе всего лучшаго на землѣ и, наконецъ, что офиціальная версія изо-

бражала причины войны такъ, будто она навязана Германіи, то можно понять настроеніе толпы. Этимъ объясняется, напримѣръ, и то, что даже на улицахъ Берлина за русскими гнались съ гикомъ и свистомъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и попросту избивали.

Таково было отношеніе къ русскимъ со стороны населенія въ первые дни войны. Затѣмъ мы сталкивались съ мирнымъ населеніемъ въ послѣднемъ періодѣ нашего плѣна, когда мы, въ теченіе 3—4 недѣль, жили въ городѣ, на частныхъ квартирахъ. Въ эту пору публика успокоилась, первый угаръ прошелъ, и жители относились къ намъ уже вполнѣ корректно, а иные даже и благожелательно. Правда, случалось, что иные квартирохозяйки русскимъ не желали сдавать комнатъ; былъ въ Ростокѣ и такой случай: къ стоявшей на улицѣ группѣ русскихъ подошелъ какой-то нѣмецъ, спросилъ, всѣ ли, молъ, это русскіе и, не дожидаясь отвѣта, замахнулся на нихъ палкой... Но все это крайне рѣдкіе, исключительные случаи, а въ общемъ населеніе намъ непріятностей не причиняло. Вспоминаю и такое обстоятельство. Среди насъ находился въ Ростокѣ одинъ пожилой господинъ изъ Симбирска со своимъ сыномъ-студентомъ. Будучи задержаны въ Ростокѣ, они, какъ и многіе

другіе, оказались почти безъ всякихъ средствъ. Въ виду такого положенія они, такъ сказать, на всякій случай, обратились къ своей бывшей квартиро-хозяйкѣ въ томъ курортѣ, гдѣ они провели сезонъ, съ просьбой прислать имъ заимообразно марокъ 50—60; черезъ нѣсколько дней отъ этой нѣмки были получены 60 марокъ съ припиской, въ которой выражалось сочувствіе по поводу переживаемыхъ непріятностей и пожеланіе скораго и счастливаго возвращенія на родину.

Насколько до насъ доходили свѣдѣнія изъ другихъ мѣстъ Германіи, вездѣ наблюдалась, въ общемъ, та же картина: въ первые дни населеніе относилось съ русскимъ крайне враждебно, доходя въ иныхъ случаяхъ до избіенія и пораненія отдѣльныхъ лицъ, а затѣмъ жители образумились, успокоились и стали проявлять по отношенію къ русскимъ полную корректность (хотя на улицахъ и приходилось избѣгать русской рѣчи).

ГЛАВА XVI.

Зато вся ярость нѣмцевъ обратилась противъ Англіи и англичанъ. Германія—и официіальная, и неофиціальная—жестоко ошиблась въ расчетѣ: нѣмцы не предполагали, чтобы Англія активно выступила противъ нихъ. Между тѣмъ, разъ выступленіе Англіи стало фактомъ, никто изъ нихъ ужъ не предавался иллюзіямъ: особенно экономическія послѣдствія вмѣшательства англичанъ должны были имѣть огромное значеніе для Германіи. Негодованіе противъ англичанъ, можно сказать, возрастало съ каждымъ днемъ. Газеты писали въ такомъ духѣ: «мы считали, что англичане, по крайней мѣрѣ, будутъ соблюдать нейтралитетъ, а они коварно подвели насъ»... Въ то время, какъ о Россіи и Франціи писалось въ газетахъ сравнительно немного, англичанамъ удѣлялось преимущественное вниманіе. Объ Англіи говорили передовицы, официіальныя реляціи, отдѣльныя замѣтки, большія статьи въ коммерческомъ отдѣлѣ газетъ, даже фельетоны и чуть ли не театральныя рубрики были заняты англичанами. То и дѣло сообщалось о революціи то въ Индіи, то въ юж-

ной Африкѣ, то въ Египтѣ, въ Канадѣ... Легко представить себѣ, какъ усиливалась ярость нѣмцевъ, когда затѣмъ стали прибывать извѣстія, что изъ всѣхъ этихъ мѣстъ идутъ войска въ помощь метрополіи для борьбы съ Германіей!

Приведу нѣсколько случаевъ, показательныхъ для отношенія нѣмцевъ къ Англіи и всему англійскому.

Среди всей массы задержанныхъ въ Ростокѣ лицъ находилось также трое англичанъ. Съ однимъ изъ нихъ я познакомился ближе. Чтобы хоть какъ-нибудь использовать праздное время, мы рѣшили обмѣниваться уроками языковъ: я съ англичаниномъ читалъ и бесѣдовалъ по-англійски, а взамѣнъ этого обучалъ его русскому и нѣмецкому яз. Былъ какъ-то очередной урокъ нѣмецкаго языка, при чемъ мы усѣлись (это было въ Кайзеръ-Павильонѣ) въ дальнемъ углу нашей «полосы», у самой рѣшетки, отдѣлявшей насъ отъ остальной части сада. Похаживавшій вдоль рѣшетки нѣмецкій часовой заинтересовался нашимъ урокомъ и, благодушно улыбаясь, сталъ прислушиваться къ незнакомымъ словамъ, перемѣшаннымъ съ нѣмецкими. «А что» спрашиваетъ солдатъ, «этотъ русскій господинъ совсѣмъ не знаетъ по-нѣмецки?». «Да», отвѣтилъ я, «не знаетъ; онъ, впрочемъ, не русскій, а англичанинъ». «Ахъ вотъ какъ!»,

проговорилъ солдатъ совсѣмъ въ другомъ тонѣ, пересталъ улыбаться и тотчасъ-же отошелъ...

Передъ отъѣздомъ изъ Ростока, когда стало извѣстно, что изъ Германіи выпустятъ задержанныхъ больныхъ, неспособныхъ къ военной службѣ и имѣющихъ соотвѣтственное удостовѣреніе отъ нѣмецкаго врача, упомянутый мною англичанинъ также запасся такимъ удостовѣреніемъ. Но оказалось слѣдующее: всѣхъ почти русскихъ, добившихся свидѣтельства врача, отпустили, англичанину-же не разрѣшили выѣхать. Всѣ хлопоты и просьбы нашихъ старостъ ни къ чему не привели, такъ какъ въ полиціи было объявлено, что по отношенію къ англичанамъ существуютъ особыя правила... Специфическое отношеніе къ англійскому подданному явствуетъ изъ того, что, во-первыхъ, въ Англіи не существуетъ, какъ извѣстно, обязательной воинской повинности, а во-вторыхъ, англичанинъ этотъ страдаетъ порокомъ сердца и, слѣдовательно, не могъ бы поступить въ войска и добровольцемъ, даже если бы онъ и хотѣлъ этого. Такъ этотъ бѣдняга и понынѣ еще томится въ Ростокѣ.

А вотъ любопытная въ указанномъ смыслѣ бесѣда моя съ однимъ нѣмцемъ, типичнымъ представителемъ крупной буржуазіи. Нѣмецъ этотъ — Geheimrat (тайный коммерціи совѣтникъ), крупный заводчикъ, очень богатый

человѣкъ и видная въ городѣ личность; кромѣ того, онъ состоитъ вице-консуломъ одной нейтральной державы. Такъ какъ онъ зналъ о предстоявшемъ возвращеніи моемъ въ Россію, онъ обратился ко мнѣ со слѣдующими словами:

— Вы на дняхъ уѣзжаете изъ Германіи. По этому поводу я хочу сказать вамъ нѣсколько словъ, при чемъ забудемъ на минуту, что мы подданные воюющихъ государствъ, будемъ говорить, какъ случайные встрѣчные или какъ просто знакомые. Я прошу васъ во имя общечеловѣческаго долга и правды—скажите всѣмъ, кому сможете, въ Россіи, что мы, нѣмцы, ничего не имѣемъ противъ васъ, русскихъ, и желали жить въ мирѣ съ вами... «А почему-же вы затѣяли войну?», перебилъ я его.—«Позвольте, позвольте,—продолжалъ онъ,—«я повторяю, что мы этой войны не хотѣли, какъ не желали ея, допускаю, и вы. И если эта ужасная война все-же разгорѣлась, то виновата въ этомъ Англія. Вотъ истинная виновница всѣхъ бѣдъ, это она ввергла насъ всѣхъ въ пучину ужасовъ и горя. Англичане не могли примириться съ тѣмъ, что мы успѣшно конкуррируемъ съ ними во всѣхъ областяхъ экономической жизни, что мы вытѣсняемъ ихъ на многихъ торгово-промышленныхъ рынкахъ, что Германія растетъ вглубь и вширь. И Англія рѣшила сокрушить наше экономическое могущество, втравивъ для этого и

Россію и Францію въ эту ужасную войну. Своекорыстная, грубо эгоистическая политика Англіи привела къ этой катастрофѣ.

— А развѣ ваша политика, какъ и всякая иная, не диктуется національнымъ эгоизмомъ? —попробовалъ я возразить ему.

— Да, это такъ, но политика не должна основываться на вѣроломствѣ, на грубомъ денежномъ расчетѣ и коварствѣ. Для Англіи эта война—торговая сдѣлка, а для насъ всѣхъ—несчастье. Итакъ, я повторяю: мы, нѣмцы, никакой злобы противъ васъ не питаемъ, напротивъ—мы должны были бы соединить наши силы противъ общаго врага—Англіи... Объ этомъ, прошу васъ, скажите всѣмъ въ Россіи...

— Таковъ взглядъ этого нѣмца—одного изъ многихъ и многихъ.

А вотъ и еще мелкій штришокъ все изъ той-же области. Я съ однимъ москвичомъ занималъ комнату въ семьѣ простого нѣмецкаго рабочаго. Когда мы нѣсколько ближе познакомились съ квартирохозяевами, мы заводили иногда—хотя и весьма осторожно—рѣчь на текущія темы, и тутъ разъ услышали: «О, если бы не эти коварные англичане, мы бы давно взяли Парижъ!..»

ГЛАВА XVII.

Переселеніе въ городъ, на частныя квартиры, доставило намъ, конечно, громадное облегченіе. Чего стоило, въ самомъ дѣлѣ, уйти отъ грязи, нездоровой скученности, стаднаго существованія, ежеминутно контролируемаго бдительнымъ окомъ господъ унтеровъ! Вспоминаю, кстати, первый вечеръ, проведенный на частной квартирѣ. Заявивъ въ полиціи *), согласно требованію, свой адресъ, мы съ товарищемъ по комнатѣ поспѣшили выкупаться, надѣли чистое платье и, усѣвшись за чистый столъ, стали попивать чистый чаекъ изъ чистыхъ-же стакановъ, а затѣмъ вскорѣ погрузились въ чистыя постели... Недаромъ мой симпатичный сосѣдъ по комнатѣ то и дѣло восклицалъ: «благодать, благодать!» А на слѣдующее утро мы, хотя и проснулись въ 6 час. утра,—что значитъ «воспитаніе»!—но, вспомнивъ, что тутъ нѣтъ унтера и никто намъ не крикнетъ «всѣмъ встать!», мы съ упоеніемъ продолжали лежать и отлеживаться...

---

*) Съ момента переѣзда въ городъ мы находились уже въ вѣдѣніи полиціи, а не военныхъ властей.

Говоря короче, мы съ этого времени зажили, съ внѣшней стороны, болѣе или менѣе человѣческой жизнью. Къ тому-же и населеніе относилось къ намъ, какъ я ужъ говорилъ, вполнѣ корректно. Но, несмотря на все это, настроеніе у насъ всѣхъ было все-таки очень угнетеннымъ. Прежде всего, мы отнюдь не были увѣрены въ томъ, что насъ опять не запрутъ въ какую-нибудь дыру и снова не отдадутъ подъ власть лейтенантовъ и унтеровъ—это было бы по-истинѣ ужасно. Затѣмъ, мы каждую минуту чувствовали, что насъ только терпятъ, что за нами слѣдятъ и, по малѣйшему поводу, насъ согнутъ въ бараній рогъ. Къ тому же, мы находились въ полной неизвѣстности насчетъ срока нашего «сидѣнія» въ Ростокѣ—полагали, что до самаго конца войны. По этой же причинѣ приходилось жить крайне скупо, разсчитывая наличные запасы на возможно болѣе долгій срокъ. Деньги-же изъ Россіи получались съ большими трудностями, проходя черезъ множество инстанцій. И многіе изъ насъ оставались совершенно безъ денегъ, такъ что прибѣгали къ такъ назыв. хлѣбному фонду (о которомъ я упоминалъ выше). Надвигалась, наконецъ, осень, становилось довольно холодно и сыро *), теплой одежды ни у кого не было, а покупать не

*) Ростокъ находится на самомъ сѣверѣ Германіи.

на что было. Вдобавокъ ко всему не знали, что творится дома, а у многихъ были срочныя дѣла и обязанности. Все это, повторяю, создавало тяжелое настроеніе.

Но вотъ, наконецъ, блеснула надежда: изъ Берлина получились свѣдѣнія, почерпнутыя въ офиціальныхъ сферахъ, что опредѣленныя группы русскихъ, задержанныхъ въ Ростокѣ, вскорѣ будутъ освобождены. Нужно сказать, что раньше всего стали выпускать русскихъ изъ Берлина, и мы знали объ этомъ, еще будучи въ Кайзеръ-Павильонѣ. Съ опредѣленнаго момента—приблизительно черезъ мѣсяцъ-полтора послѣ начала войны—изъ Берлина стали отходить специальные поѣзда съ русскими, отправлявшимися на родину. Насколько мы знали, это освобожденіе плѣнныхъ русскихъ совершалось, такъ сказать, въ обмѣнъ на нѣмцевъ, задержанныхъ съ началомъ военныхъ дѣйствій въ Россіи. Большую роль въ ускореніи освобожденія плѣнныхъ и организаціи матеріальной помощи уѣзжающимъ сыграло еврейское благотворительное общество въ Берлинѣ. Дѣло въ томъ, что въ Берлинѣ застряли десятки тысячъ русскихъ (вѣдь это былъ курортный сезонъ!), и очень многіе изъ нихъ оказались въ безвыходномъ матеріальномъ положеніи: нечѣмъ было уѣхать. И вотъ упомянутое еврейское общество оказало этимъ лицамъ прямо-таки громад-

ную услугу, давъ на дорогу всѣмъ, у кого не было при себѣ денегъ. Слѣдуетъ отмѣтить, что общество это помогало всѣмъ, прибѣгавшимъ къ нему русско-подданнымъ, безъ различія національности и вѣроисповѣданія. Разрѣшеніе на выѣздъ получили слѣдующія категоріи лицъ: всѣ женщины, мужчины старше 45 лѣтъ и моложе 17 лѣтъ, а также тѣ больные, которые могли представить властямъ свидѣтельство нѣмецкаго врача въ неспособности къ военной службѣ. Такъ какъ освобожденныхъ плѣнныхъ набралось огромное множество, а число предоставленныхъ для этого поѣздовъ было крайне ограничено—въ недѣлю уходило всего 2—3 поѣзда—то дѣло подвигалось очень медленно. Очередь-же задержанныхъ въ провинціальныхъ городахъ Германіи должна была наступить послѣ отъѣзда русскихъ изъ Берлина. Поэтому намъ пришлось запастись терпѣніемъ, тѣмъ болѣе, что въ Мекленбургѣ *), вообще, все дѣлаютъ не спѣша...

Какъ бы то ни было, наступилъ и нашъ часъ: ростокскія власти получили, наконецъ, распоряженіе отпустить часть русскихъ—женщинъ, мужчинъ непризывнаго возраста, а также врачей и вообще лицъ, причастныхъ къ врачеб-

---

*) Ростокъ находится въ герцогствѣ Мекленбургъ Шверинъ.

ной профессіи (провизоровъ, зубныхъ врачей и пр.). Всего набралось около 200 человѣкъ. Офиціальное разрѣшеніе на выѣздъ эти лица получили вечеромъ, съ увѣдомленіемъ, что отъѣздъ состоится на слѣдующій день, въ 6 часовъ утра. Можно себѣ представить, какое движеніе, какая радостная суета и бѣготня началась среди уѣзжавшихъ россіянъ... Остававшіеся въ Ростокѣ поздравляли своихъ болѣе счастливыхъ соотечественниковъ, да и за себя также пріободрились: наступитъ вѣдь, молъ, и нашъ чередъ! Съ 5 часовъ утра къ пароходной пристани потянулись пѣшеходы съ узлами, экипажи, нанятые «въ складчину», тачки съ вещами, носильщики. А къ моменту отхода парохода на набережную высыпали и провожавшіе, т. е. почти всѣ тѣ, которымъ суждено было еще оставаться въ Ростокѣ. Кругомъ слышались просьбы: «непремѣнно зайдите къ моему отцу—Кузнецкій мостъ, 15», «какъ только пріѣдете въ Питеръ, позвоните брату», «денегъ, денегъ пусть вышлютъ побольше», «не забудьте-же, по телеграфу!» и т. д.

Когда пароходъ скрылся изъ виду, оставшіеся стали медленно расходиться по своимъ квартирамъ. Было грустно на душѣ, и какъ-то острѣе почувствовалась «неволя».

ГЛАВА XVIII.

Намъ казалось, что городъ наполовину опустѣлъ... Разумѣется, это ощущеніе было весьма гиперболическимъ, но что ряды фланирующихъ по главнымъ улицамъ значительно порѣдѣли, не подлежало сомнѣнію, ибо большинство изъ насъ отъ скуки и бездѣлья то и дѣло расхаживало по улицамъ Ростока, а съ отъѣздомъ первой группы число фланирующихъ россіянъ замѣтно сократилось.

Для оставшихся опять потянулись однообразные дни томленія, праздности и—ожиданій. Такъ какъ свободнаго времени у насъ было предостаточно, то мы вдоволь могли присматриваться къ уличной жизни и читать нѣмецкія газеты—благо, послѣднее намъ здѣсь не возбранялось.

А жизнь этого нѣмецкаго города, надо признаться, шла своимъ почти обычнымъ темпомъ, несмотря на всѣ грандіозныя событія, захватившія не одну только Германію. По-прежнему въ опредѣленные часы открывались магазины, и въ нихъ производилась торговля—хотя, конечно, безъ обычнаго оживленія. По улицамъ расхаживало много всякаго народа, проѣзжали ав-

томобили, экипажи, тачки, фургоны—тяжеловѣсные нѣмецкіе фургоны,—шныряли велосипедисты, газетчики выкрикивали послѣднія новости.—Можетъ показаться наивнымъ, что я обо всемъ этомъ упоминаю: развѣ это, молъ, не само собой понятно? Но это не такъ. Вѣдь нужно имѣть въ виду, что мы, до выхода въ городъ, прожили около $1^1/_2$ мѣсяцевъ на строгомъ положеніи военно-плѣнныхъ, взаперти, подъ надзоромъ часовыхъ, и намъ, отрѣзаннымъ отъ остального міра, казалось, что внѣшняя жизнь должна была остановиться, застыть, — кромѣ тѣхъ далекихъ полей, гдѣ разыгрывались великія событія... Мы знали, что вся Германія захвачена этой войной; каждый нѣмецъ ясно сознавалъ, что въ этой войнѣ поставлено на карту все національное существованіе его страны, какъ цѣлаго, какъ Германской имперіи. Если война глубоко затронула интересы каждой изъ воюющихъ странъ, то о Германіи можно сказать, что она рискуетъ здѣсь всѣмъ своимъ будущимъ въ прямомъ смыслѣ слова. И мы думали, что послѣ первой угарной вспышки шовинизма все замерло, застыло въ напряженномъ ожиданіи. А между тѣмъ, выйдя въ городъ, мы увидали, что жизнь идетъ, въ общемъ, своимъ чередомъ. По крайней мѣрѣ, съ внѣшней стороны.

Какъ выглядѣли нѣмецкія газеты въ эту

пору? Конечно, ихъ физіономія измѣнилась до извѣстной степени. Всѣ первыя страницы заняты войной, объявленій сравнительно мало, всѣ редакціонныя статьи направлены въ одну точку. Но все-таки сохранились и прежніе отдѣлы, не исключая рубрики «театръ и музыка». И, напр., въ берлинскихъ газетахъ всѣ мѣстные театры помѣщали анонсы объ очередныхъ спектакляхъ и зрѣлищахъ.

И невольно напрашивался выводъ болѣе общаго свойства:

— Разъ такъ, разъ даже въ Германіи, потрясенной войной до самыхъ глубокихъ основъ своихъ, возможна почти обычная внѣшняя жизнь, то не доказываетъ ли это, что общечеловѣческія формы существованія представляютъ слишкомъ могучій факторъ, а сложившіеся устои жизни слишкомъ глубоко проникли въ природу людей, чтобы ихъ могла смести даже такая великая встряска, какъ нынѣшняя война?..

Но, конечно, Германія уже въ описываемый періодъ напрягала всѣ свои боевыя силы. Незадолго до нашего отъѣзда повсюду появились объявленія военныхъ властей, предписывавшія мобилизовать молодежь отъ 15 до 17 лѣтъ. Этотъ фактъ достаточно краснорѣчивъ самъ по себѣ и не нуждается въ комментаріяхъ. Вскорѣ послѣ появленія этого приказа на улицахъ города показались солдаты новѣйшей формаціи: зе-

леные юнцы, почти дѣти въ военной формѣ. Было и грустно, и смѣшно наблюдать, какъ эти дѣти-воины, прогуливаясь со своими барышнями-гимназистками, съ важнымъ видомъ разсуждали о военной жизни. Въ мѣстной газетѣ приводился, между прочимъ, такой любопытный фактецъ: ученикъ одной гимназіи, будучи «мобилизованъ», не успѣлъ закончить очереднаго «домашняго сочиненія»; онъ сдалъ преподавателю недописанную работу съ помѣткой: «не успѣлъ докончить, такъ какъ призванъ на защиту отечества».

Взрослыхъ молодыхъ мужчинъ — невоенныхъ—на улицахъ города показывалось все меньше.

Съ теченіемъ времени все болѣе стали бросаться въ глаза женщины въ траурѣ—по сыновьямъ, по братьямъ и мужьямъ. И становилось вдвойнѣ жутко...

Отмѣчу еще нѣсколько обстоятельствъ, связанныхъ съ войной. Когда стали сильно подниматься цѣны на пищевые продукты, власти установили максимальную норму ихъ и пригрозили строгими наказаніями тѣмъ продавцамъ, которые превысили бы эту норму. Хотя жизнь въ Германіи, въ общемъ, вздорожала по сравненію съ прежнимъ, но нельзя сказать, чтобы въ ту пору ощущался замѣтный недостатокъ въ продуктахъ первой необходимости, и мы, пом-

нію, дѣлились впечатлѣніями: «однако, рессурсы Германіи, повидимому, не изсякли еще»...

Любопытно отмѣтить такой фактъ. Въ Германіи издавна существуетъ антисемитская газета подъ названіемъ «Штаатсбюргеръ Цайтунгъ». Въ одинъ прекрасный день на первой страницѣ этой газеты появилось заявленіе редакціи приблизительно такого содержанія: «Въ виду необходимости избѣгать въ настоящее серьезное время всякаго рода партійной и національной розни, мы, согласно побужденію военныхъ властей, съ сего дня прекращаемъ наше антисемитское направленіе».

Что касается извѣстій съ театра военныхъ дѣйствій, то они составлялись—какъ бы это выразиться помягче—крайне односторонне... Даже пораженіе германскаго праваго фланга на р. Марнѣ—о которомъ мы узнали впослѣдствіи—изображалось, какъ простая перемѣна позицій, вызванная общими стратегическими соображеніями. Но, правда, нѣмецкая публика, вначалѣ слѣпо вѣрившая всѣмъ сообщеніямъ германскаго генеральнаго штаба, къ этому времени стала объективнѣе разбираться въ фактахъ и научилась читать между строкъ. И упомянутая «перемѣна позицій» была понята, какъ крупная неудача, далеко отодвинувшая нѣмцевъ отъ Парижа, занятіе котораго казалось «такъ близко, такъ возможно»...

О бояхъ на пути русской арміи къ Львову германскія офиціальныя реляціи вначалѣ сообщали, хотя и тенденціозно, но часто и подробно, при чемъ газеты снабжали эти реляціи громкими заголовками: «Третій день грандіозной битвы народовъ», «Пятый день гигантской борьбы подъ Львовомъ» и т. д. Затѣмъ наступилъ перерывъ въ сообщеніяхъ, послѣ котораго въ газетахъ появилась небольшая замѣтка: «Доблестные союзники наши (австрійцы), по тактическимъ соображеніямъ, заняли болѣе выгодныя для себя позиціи къ западу отъ Львова». Намъ было, конечно, ясно, что русскіе овладѣли Львовомъ.

Къ этому времени, т. е. мѣсяца черезъ полтора послѣ начала войны, нѣмецкая публика, какъ я уже упоминалъ, стала относиться болѣе критически къ сообщеніямъ своихъ властей. Какъ бы то ни было, но ближайшей, главной цѣлью былъ вѣдь Парижъ; между тѣмъ, прошло ужъ столько времени, а столица Франціи все болѣе ускользала отъ германскихъ вожделѣній. Съ другой стороны, огромныя потери германской арміи хорошо чувствовались уже во всѣхъ слояхъ германскаго населенія. Все это плохо вязалось съ офиціальными представленіями о блестящихъ и легкихъ побѣдахъ. Постепенно стало измѣняться и все настроеніе публики. Прошло первое бѣшенство злобы къ врагамъ, разжигавшейся опредѣленными мѣрами вла-

стей *); потускнѣлъ прежній воинственный пылъ всего народа; прошелъ угаръ, охватившій было всѣхъ и все. Понизился тонъ настроенія, затихъ весь темпъ жизни. А въ частности, результатомъ наступившаго успокоенія было и спокойное, ровное отношеніе къ намъ, задержаннымъ русскимъ; но послѣднее наблюдалось лишь со стороны населенія, мирныхъ жителей. Военные же чины оставались вѣрны себѣ до самаго конца...

---

*) См. выше.

ГЛАВА XIX.

Въ первыхъ числахъ октября (по нов. ст.) распространился упорный слухъ—впослѣдствіи подтвердившійся, — что вскорѣ разрѣшатъ уѣхать изъ Ростока тѣмъ русскимъ, которые будутъ признаны, по медицинскомъ изслѣдованіи, больными, или, вообще, неспособными къ военной службѣ, хотя бы эти лица и не достигли 45-лѣтняго возраста. И у многихъ изъ насъ засіяла надежда... Мѣстный военный врачъ сталъ выдавать такимъ лицамъ соотвѣтственныя удостовѣренія, открывавшія намъ путь къ свободѣ. За удостовѣреніе приходилось уплачивать по 10 марокъ, но каждый изъ насъ съ удовольствіемъ приносилъ эту жертву—при тогдашнемъ финансовомъ положеніи нашемъ то была настоящая жертва—лишь бы только вырваться на волю.

Когда всѣ «кандидаты» получили свидѣтельства, наши старосты составили подробный списокъ по фамиліямъ и вручили его, вмѣстѣ съ удостовѣреніями врача, мѣстнымъ властямъ для утвержденія. Но дѣло пошло не такъ-то быстро. Пришлось нѣсколько разъ обращаться по телеграфу къ высшимъ властямъ съ хода-

тайствомъ объ ускореніи нашего отъѣзда. Наконецъ, полу-офиціально намъ дано было разрѣшеніе нанять себѣ пароходъ для переѣзда изъ Ростока въ Треллеборгъ *). Послѣднее также было, однако, нелегкимъ дѣломъ: регулярнаго пассажирскаго сообщенія между Ростокомъ и шведскими портами въ то время не было, изъ грузовыхъ же пароходовъ не всякій соглашался перевезти насъ. Да и власти не всякимъ пароходомъ разрѣшили бы намъ поѣхать.

Дня за 2—3 до нашего отъѣзда, когда, казалось, все уже улажено, срокъ отъѣзда установленъ, пароходъ нанятъ, вдругъ разнеслась новая вѣсть: изъ списка, представленнаго властямъ и заключавшаго 108 человѣкъ, было вычеркнуто 35 чел., которые должны были, слѣдовательно, остаться въ Ростокѣ и на дальнѣйшее время... Въ первый моментъ переполохъ былъ ужаснѣйшій, такъ какъ не знали еще, кто именно исключенъ изъ списка, и каждый опасался за свою особу... Оказалось, что изъ списка устранены тѣ, свидѣтельства которыхъ формулированы врачемъ недостаточно опредѣленно и ясно. Но военный врачъ—я ужъ упоминалъ о немъ выше—пошелъ намъ навстрѣчу и согласился тотчасъ-же исправить редакцію выданныхъ имъ свидѣтельствъ.

*) Городъ на югѣ Швеціи.

Теперь все ужъ было въ порядкѣ, пароходъ нанятъ—расходы по раскладкѣ—и мы стали собираться въ дорогу. Но надежда на освобожденіе столько разъ появлялась и вновь покидала насъ, что даже и теперь еще не вѣрилось —неужели этотъ скверный сонъ кончается?.. Каждый говорилъ: не повѣрю, что мы свободны, пока не буду въ Швеціи. Но—всему бываетъ конецъ; прекратились и наши мучительныя сомнѣнія. Въ воскресенье, 14 октября, собрались мы въ 6 час. утра на пароходной пристани.

Явился начальникъ ростокской сыскной полиціи (отравившій намъ немало крови), съ подобающимъ числомъ шуцмановъ; провѣрили наши документы, выдали намъ проходныя свидѣтельства, и—вотъ мы на пароходѣ. Скептики говорили: «не кажи гопъ, доки не перескочишь: насъ могутъ еще снять съ парохода!»

Но пароходъ отчалилъ, раздались послѣдніе возгласы уѣзжавшихъ и пожеланія оставшихся на берегу менѣе счастливыхъ соотечественниковъ нашихъ, и мы—въ пути. Уфъ, какъ хорошо было!..

Конечно, жаль было оставшихся тамъ, въ неволѣ, но нужно сказать правду: мы вскорѣ забыли о нихъ, отдавшись эгоистической радости свободы. Пути до Треллеборга было часовъ 15, и переѣздъ оказался нелегкимъ. Дѣло въ томъ, что пароходъ нашъ былъ грузовой, и мы

могли расположиться или наверху, на неудобной и грязной палубѣ, или въ трюмѣ. Такъ какъ погода была плохая—сырая и туманная, при сильномъ вѣтрѣ—то пришлось вскорѣ спуститься въ трюмъ, тѣмъ болѣе, что почти всѣ мы щеголяли въ лѣтнихъ пальто, а иные обходились и безъ онаго... Въ трюмѣ мы лежали вповалку, густой кучей. Когда пароходъ вышелъ въ открытое море, мы почти всѣ, за исключеніемъ двоихъ-троихъ, стали отдавать обильную дань морской болѣзни. Пароходишко нашъ былъ невеликъ, вродѣ тѣхъ рѣчныхъ грузовиковъ, которые курсируютъ у насъ, наприм., по Днѣпру, и при каждомъ порывѣ вѣтра, при каждомъ натискѣ волнъ, онъ трещалъ и то носомъ, то кормой словно погружался въ пучину. Въ трюмѣ этотъ трескъ и шумъ волнъ отдавались грохочущимъ гуломъ, и болѣе робкимъ изъ насъ казалось: эге, изъ Ростока-то мы выбрались, но домой, видно, не доѣхать!..

ГЛАВА XX.

Въ Треллеборгъ мы пріѣхали около 11 час. ночи. Таможенный досмотръ былъ весьма поверхностный, но все-таки онъ продолжался часъ—полтора, и въ городъ мы вошли—именно вошли, такъ какъ извозчиковъ почти не было—около 1 час. ночи. Все было закрыто. Ближайшій поѣздъ въ Стокгольмъ отправлялся въ 6 ч. утра, а слѣдующій за нимъ въ 12 час. дня. Нѣкоторые изъ насъ рѣшили переночевать въ гостиницѣ и поѣхать дальше въ 12 час., но большая группа настаивала на томъ, чтобы отправиться въ Стокгольмъ шестичасовымъ поѣздомъ: поскорѣе бы, молъ, уйти подальше отъ нѣмцевъ! Тутъ публика наша раздѣлилась, и прежнее случайное единство рушилось: часть разбрелась по гостиницамъ, чтобы «какъ слѣдуетъ, поспать», а часть рѣшила просидѣть часа 3—4 въ общемъ залѣ одной гостиницы, гдѣ намъ предоставили «сидячія мѣста», взявши за сіе по 50 эре *) съ души.

Итакъ, на слѣдующій день мы направились къ Стокгольму, любуясь по дорогѣ шведскими пейзажами, въ которыхъ такъ много спо-

---

*) Шведская монета—около 18 к. на русскія деньги.

койно-меланхолической красоты—въ эту пору молчаливаго осенняго увяданія.

Мы понемногу стали какъ-то выпрямляться, обрѣли свой натуральный голосъ и рѣчь: вѣдь теперь мы могли громко разговаривать по-русски, никого и ничего не опасаясь, не чувствуя по близости прусскихъ вахмистровъ и унтеровъ... Стали оглядывать публику: и здѣсь, въ поѣздѣ, на станціяхъ, и потомъ въ городѣ впечатлѣніе получалось очень пріятное. Шведы—народъ все рослый, здоровый, даже цвѣтущій. А шведскія женщины прямо-таки производятъ впечатлѣніе какой-то своеобразной гармоніи свѣжести и здоровья: стройныя, крупныя, красивыя; въ спокойныхъ лицахъ чуется дыханіе холоднаго сѣвера, но въ нихъ есть опредѣленное выраженіе. Нѣтъ въ нихъ южной живости, но есть жизнь—болѣе спокойнаго темпа, но, быть можетъ, и болѣе глубокая.

Впрочемъ, наблюденія наши въ Швеціи были очень коротки: такъ, я лично пробылъ въ Стокгольмѣ около двухъ дней—въ ожиданіи ближайшаго парохода. Нѣкоторые изъ насъ направились въ Россію круговымъ путемъ: почти черезъ всю Швецію до Торнео, затѣмъ, пересѣкая всю Финляндію, въ Петроградъ. Этотъ путь былъ, конечно, очень долгъ: онъ продолжался (до Петрограда) около 4½ сутокъ, но представлялъ то преимущество, что все почти время

приходилось ѣхать сушей и, слѣдовательно, подальше отъ Балтійскаго моря, гдѣ отъ времени до времени появлялись германскія военныя суда. Большинство-же переправлялось все-таки, не взирая на нѣкоторый рискъ, черезъ Балтійское море въ Раумо (или Мантиліото—въ Финляндіи), а оттуда въ Петроградъ; этотъ путь продолжался всего около 2 сутокъ.

Эти свѣдѣнія, а равно и другія необходимыя справки намъ выдавали въ русскомъ бюро въ Стокгольмѣ. Бюро это—дѣло частной инициативы: оно организовано было русской баронессой Мандштремъ, и всѣ желавшіе получить справку принимались здѣсь въ высшей степени радушно и любезно, при чемъ свѣдѣнія выдавались совершенно безкорыстно. Баронесса, между прочимъ, сообщила мнѣ, что къ этому моменту черезъ Стокгольмъ успѣли уже переправиться домой десятки тысячъ россіянъ, застрявшихъ въ Германіи.

Итакъ, мы покинули гостепріимный Стокгольмъ, этотъ прекрасный городъ, совмѣщающій прелести живописной Венеціи и преимущества крупной европейской столицы, и двинулись дальше—къ роднымъ берегамъ... Значительную часть пути мы проѣзжали шхерами—этими волшебными уголками природы, отъ которыхъ вѣетъ какой-то своеобразной, спокойной красотой, гдѣ чувствуется

«благоуханная, живая тишина». Въ открытомъ морѣ мы порой встрѣчали шведскія военныя суда—эти сторожевые посты, ограждающія нейтралитетъ Швеціи. При каждой такой встрѣчѣ пассажирамъ предлагали спуститься въ каюты и завѣшивали иллюминаторы, чтобы скрыть отъ любопытныхъ взоровъ запретные пункты...

На слѣдующее утро мы прибыли въ Финляндію, и тутъ ужъ совершенно отчетливо почувствовали, что мы дома, въ безопасности и что никакіе германскіе лейтенанты и унтера не вольны надъ нами...

Я заканчиваю свои записки. Переживанія въ плѣну у грубой силы опять вспомнились, всколыхнули душу и будятъ въ ней протестъ—безсильный протестъ противъ всего, что случилось. А вмѣстѣ съ тѣмъ сознаешь, что все недавно пережитое вѣдь сущіе пустяки въ сравненіи съ тѣмъ, что происходитъ тамъ, на далекихъ и близкихъ поляхъ и моряхъ. И мысль заволакивается жуткимъ туманомъ... Но гдѣ-то, въ самой интимной глуби души, моментами вспыхиваетъ новая искра—искра неумирающей надежды на далекое лучшее будущее. Нѣтъ силъ загасить эту искру и разстаться съ золотой грезой, что когда-нибудь люди да перекуютъ мечи на серпы и плуги...

Кончится и эта великая война—величайшая изъ всѣхъ, какія велись когда-либо на землѣ. И мать-земля, напоенная огненной влагой —горячею кровью людей, не приметъ ея больше... Пойдутъ новые всходы, къ вѣчному солнцу потянутся юные побѣги... И память о пережитыхъ мукахъ да поведетъ людей по лучшимъ путямъ къ счастью и миру!

Октябрь 1914 года.

Цѣна 60 коп.

Тип. „Порядокъ" С. К. Цессарскаго, Одесса, Успенская 40.

